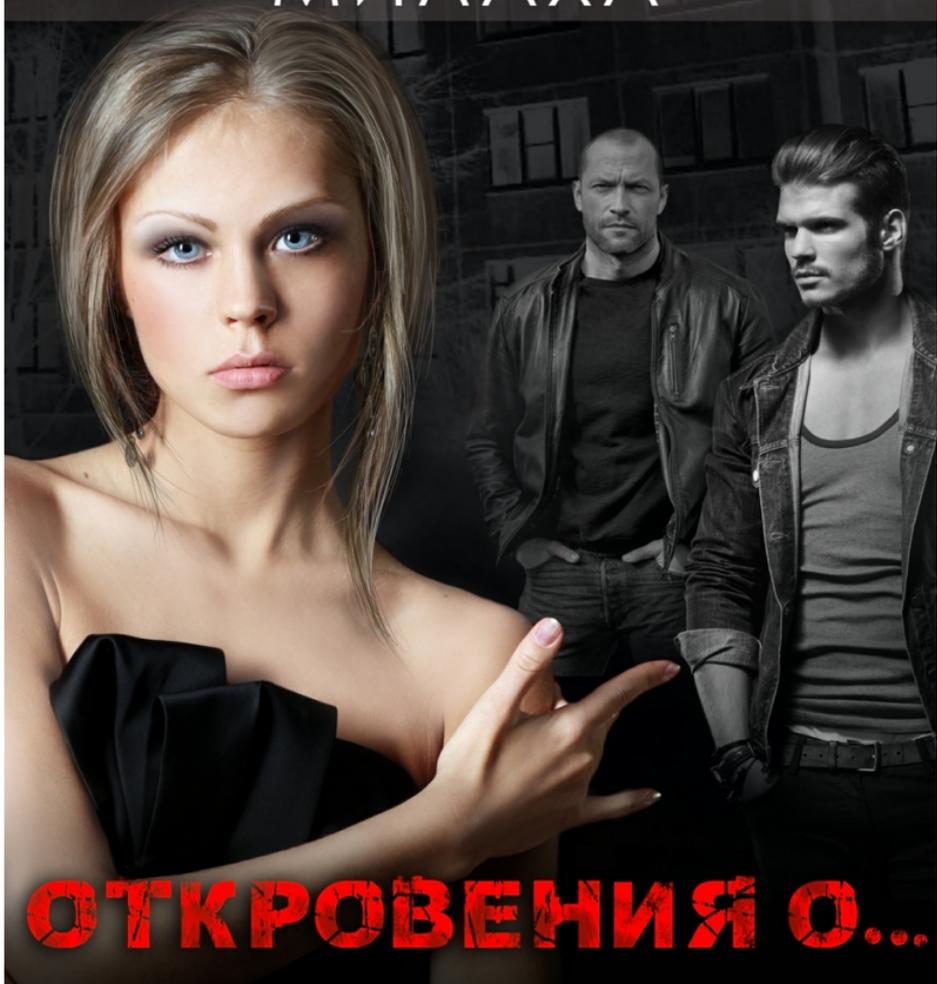

КНИГА II
МИЛАХА

ОТКРОВЕНИЯ О...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стася Андриевская

18+

Стася Андриевская
«Откровения о...»
Книга 2. Милаха
Серия «Откровения о...», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099458
SelfPub; 2023

Аннотация

Ни минуты на раздумье, суровые «братки», перестрелка... И теперь жизнь её поделена надвое: в одной она Людка Кобыркова, бедная студентка местечкового технаря – свободная, как ветер! В другой она Милаха, «дорогая» девочка авторитета. Новый статус – новые требования: хранить его тайны, строго исполнять волю, соответствовать ожиданиям... Но кто бы знал, что требовать может не только он!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	62
Глава 7	67
Глава 8	85
Глава 9	92
Глава 10	111
Глава 11	119
Глава 12	129
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Стася Андриевская

"Откровения о..."

Книга 2. Милаха

Данное произведение охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и объёме без письменного разрешения правообладателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

– Если что, универсам через дорогу за углом. Но только туда и обратно, ясно? – Денис буднично подсунул под телефон деньги. – Никому не звони. Если будут звонить тебе – берёшь трубку и молчишь. Свои люди начнут разговор со слов «Извините за беспокойство», это понятно? В любом другом случае обрывай звонок и всё. Твои ключи, – звякнул двумя ключиками на колечке и положил их на телефонную полку. – Мои ключи, – тряхнул другой парой и сунул её в карман. – Больше ни у кого. Когда уходишь, закрываешь на оба замка, когда приходишь – оба замка плюс засов, понятно? И так, на будущее, никаких гостей и никому ни адреса, ни номера телефона. Ну, чего ты напряглась? Я сейчас дела кое-какие разгребу и подъеду. – В который раз за последние десять минут, с того момента, как мы вошли в квартиру, зажал меня в углу, сжирая, выпивая до дна жадным поцелуем. – Мила-а-аха... Ну вот что ты со мной творишь, а?

И вот теперь я ходила по квартире, как по музею...

Двушка на четвёртом этаже девятиэтажной новостройки в самом центре города. Шикарный, до безумия необычный ремонт. Начать хотя бы с того, что стены однотонные! Например, в спальной – молочно-сиреневые. А ещё многоярусные шторы с кистями из стеклянных бусин. Потолок – вообще что-то невообразимое! Нарушая все мои представления

о потолка, он вдруг расслаивался на два уровня, нижний из которых изгибался волной, похожей на крышку рояля, и плавно переходил на стену в изголовье огромной двуспальной кровати, образуя что-то вроде ниши или полочек, на которых стояли всякие безделушки: статуэтки, вазочки, свечи. Напротив, в изножье, огромная картина с морским пейзажем, сбоку от кровати зеркало во всю стену. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что это зеркало – огромный шкаф встроенный прямо в стену! Вместо люстры странные, похожие на мутные рыбы глаза светильники, рассыпанные по потолку, словно звёзды по небу.

В ванной комнате – просто шок! – не оказалось ванны... Вместо неё в углу стояла непонятная будка из матового стекла. Заглянула внутрь – оказалось, это душ такой! Типа как у Барбашиных в общежитии, только в сотни раз круче. Стиральная машина, как их там, автомат – кнопка на кнопке, лучше её вообще не трогать, а то мало ли... Зеркало над раковиной с лампочками по краям!

Кухня – как в выставочном павильоне, страшно прикасаться: белая, с золочёными вензелями на уголках дверок и золотыми же ручками на шкафчиках. Плита на четыре конфорки, над ней какая-то бандура с толстой трубой уходящей в стену. Холодильник – не хуже, чем в берлоге Медведя, такой же огромный, только ещё и перламутровый. Но почему-то пустой. А самое интересное, что кухня была как бы объединена с залом!

В зале – угловой кожаный диван бронзового цвета, перед ним низенький столик со стеклянной столешницей, точно такой, как в холле на базе Дениса. На полу ковровое покрытие с витиеватым орнаментом деликатного коричнево-серого оттенка. Напротив дивана большущая тумбочка, а на ней большущий же телевизор. Потолок такой же двухуровневый, как в спальней, только волна другой формы. Охренеть. Вот это я понимаю, интерьерчик!

Зазвонил телефон. Я, согласно директиве, подняла трубку, молча прижала её к уху.

– Это я. Ты как, освоилась? – спросил Денис.

Я замешкалась на мгновенье... и положила трубку. В моей инструкции не было пункта исключений! Он тут же перезвонил.

– Я дико извиняюсь за беспокойство, конечно, но я вообще-то из автомата! – смеялся, понимая нелепость ситуации. – У меня мелочи столько нет, чтобы...

Я положила трубку. Это вам, Денис Игоревич, зеркальные меры. Или вспоминайте правильный пароль или возвращайтесь, говорите лично!

А потом целых десять минут стояла возле телефона и даже успела испугаться, что перегнула... Но он всё-таки позвонил снова.

– Извините за беспокойство, – в голосе сквозил сарказм, – а Людмилу Николаевну я могу услышать?

– Да, я слушаю.

– Я тебя сегодня выпорю, поняла? Все ларьки оббежал в поисках размена!

– А просто монетку у кого-нибудь стрельнуть не пробовал?

– А что, можно было? – Усмехнулся. – Так, ладно, хорош трепаться! Тебя возле комиссионки Боярская ждёт. Собирайся быстренько и дуй к ней.

– В смысле... зачем?

– По магазинам прошвырнётесь. У тебя же, если заметила, ни мыльно-рыльного, ни продуктов. Разрешаю шмоток прикупить, тапочки, там, домашние, что ещё... Не знаю. Тебе виднее, что надо.

– А почему Боярская?

– А почему нет?

Я промолчала, и Денис продолжил:

– Мне надо чтобы вы с ней подружились. Или хотя бы сблизились до уровня, там, шампусика попить, посплетничать... Ну девчачьи ваши дела, понимаешь?

– А если по-русски, то я должна буду стучать на неё, правильно?

– Милах, давай, я тебе потом всё объясню? А сейчас просто делай, что говорю – прошвырнись с ней по магазинам. Ну? Это же не сложно?

– А деньги? Снова она будет водить меня за ручку, как бедную родственницу? Не очень-то, знаешь ли...

– Так, я что-то не понял, тебе что, для того, чтобы ку-

пить шампунь, мыло и какую-нибудь шмотку, мало того, что я оставил?

– Не знаю... – я ведь действительно не смотрела сколько там. Вытащила плотненькую хрусткую стопочку пятидесяти-тысячных и охренела... Нервно вздохнула. – Ну... пожалуй, хватит...

– Тогда давай, время поджидает.

– Стой! А где эта комиссия?

– Ну, Милах, ну-у-у... – в голосе его сквознуло раздражение. – Включи мозги, а? Язык до Киева доведёт! Всё, давай, я просто горю уже, времени – в обрез!

– Подожди! А когда ты приедешь?

– Позже. Всё, давай! Привет тебе от Медведя. – И отключился.

Но буквально через пару минут телефон затрезвонил снова.

– И это, про больничку и тем более, про то, что участвовала в заварушке помалкивай, угу? И, само собой, до дома она тебя не подвозит. Ну давай, Милаха, скучаю – просто атас! Как освобожусь, сразу к тебе.

Я положила трубку, растерянно глянула на деньги в руке: навскидку – миллиона полтора, точно. Даже страшно как-то. А ещё – кто бы мог подумать, что предложение прошвырнуться по магазинам, да ещё и с полным карманом бабла, может вызвать у меня такое отторжение?

Боярская тоже не была в восторге. Отмалчивалась, задумчиво стреляя взглядом по зеркалам, а на остановках перед светофором разглядывала свой перстень. Сколько, она говорила, ей? Тридцать три? Зашибись подружка, блин.

Ехали в ЦУМ. В принципе, здесь, в центре, всё на одном пяточке и можно было бы и пешком пройтись, а так – дольше кружились, пытаясь припарковаться поближе ко входу. Да ещё и в тягостном молчании.

Но когда пошли по отделам, то слово за слово – и завязалась болтовня о всякой ерунде. Боярской нравилось блистать осведомлённостью, поучать меня и вообще, демонстрировать своё превосходство. Я бесилась до нервного тика, но подыгрывала. А потом оказалось, вдруг, что если бы не она, то вместо шёлкового халата и домашних шлёпанцев на небольшом каблучке и с забавными меховыми помпонами на носиках, я накупила бы всякой херни, типа вьетнамских одноразовых тапок и пёстрого халата из сопливого бархата с застёжкой на измятую волнами молнию. Ольга, конечно, упивалась своей крутостью: закатывала глаза, презрительно морщила нос и почти любой мой выбор коротко оценивала как «отстой» но, положа руку на сердце – у неё было чему поучиться. Я смотрела на неё украдкой и невольно перенимала манеру держаться с продавцами, так это, слегка свысока, но в то же время вежливо. Почему-то в этом виделась какая-то гармония, становилось очевидно, что это продавцы для покупателя, а не наоборот.

Когда я в очередной раз отсчитывала деньги – на этот раз за целый пакет всяких крутых шампуней, гелей и кремчиков, Боярская двумя пальцами, словно что-то заразное, оттянула в сторону мою сумочку, рассмотрела её, скептически поджав губы.

– Мм-да... – отпустила, стряхнула с пальцев невидимый мусор. – А по какому поводу кипишь-то? Куда-нибудь собираетесь?

– Да нет, просто приборохлиться.

– То есть, у вас, я так понимаю, наладилось?

– Я так понимаю, что да.

– И что, какие прогнозы? – Но, так и не дождавшись ответа, потащила меня в сторону отдела с сумками. – Ты его давно видела-то вообще?

– Сегодня утром.

Ольга подняла на меня удивлённый взгляд:

– Серьёзно? И где?

– Да так, на нейтральной территории.

Она загадочно ухмыльнулась.

– В Интуристе что ли?.. Ну и как там наш Денис Игоревич? Говорят, в аварию попал?

– Ну да. Поцарапанный весь.

– И всё?

– В смысле? А что-то ещё должно быть?

– Ну... – она придиричиво разглядывала шикарную сумочку из натуральной кожи с лаковыми серебристыми вставка-

ми, и выглядела, в общем-то, довольно скучающей, словно этот разговор был не больно-то ей интересен. – Поговаривают, что его чуть не пристрелили. А вот эту, которая рядом, покажите... Угу, спасибо. И, вроде, даже в больнице лежал. Ничего не говорил об этом?

– Да нет... И сам вроде целёхонький. – И тут я не удержалась и вставила шпильку: – Уж я проверила, не сомневайся!

Ольга бросила на меня быстрый, полный непонятого сарказма взгляд, усмехнулась:

– Ещё бы, в Интуристе-то, и не проверить... – Повесила мне на плечо ту сумку со вставками: – Эту возьми, подойдёт к тем сапожкам, что перед новым годом брали. Они живы, надеюсь? Ну вот... И посмотри кошелёк нормальный, а свой выкинь ради бога. В таком все деньги сдохнут.

На третий, последний этаж ЦУМА я бы сама никогда в жизни не пошла. У меня от одного только слова «Бутик» сердце в пятки уходило, а чтобы приблизиться к нему – это вообще немислимо... Видимо Боярская это чувствовала. Было ли то обычной бабской подлянкой или от чистого сердца, но она, подловив «на слабо», затащила меня в салон меха.

Мама родная, здесь даже воздух был другой – тонкий, пудровый, шикарней! И я в своём задрипанном пуховичке, мда.

– Смотри, какая прелесть, нравится? – мурлыкала Ольга, без стеснения снимая очередные плечики с полушубком со

стойки. Трясла его, показывая, как играет на свету мех, гладила наманикюренными пальчиками, предлагая потрогать и мне.

Я кивала и забывала то вдохнуть, то наоборот – выдохнуть. Просто уму не постижимая красота и роскошь! И, что интересно – ни одного ценника на видном месте, чтоб хоть приблизительно понимать... За нами тревожной тенью следовала продавщица, всё пыталась узнать, чем может помочь и на какую сумму мы рассчитываем. Ольга её словно не замечала, но когда та с воплем: «Это элитная коллекция! Руками не трогать!» словно на амбразуру кинулась перед Боярской, не пуская к самой дальней стойке, Ольга не выдержала:

– Покажите самую дорогую!

– Боюсь, вашего размера нет.

– Не мне, ей! – Ольга кивнула на меня, и мы с продавщицей чуть на пару не грохнулись в обморок.

– А вы будете брать? – она пришла в себя раньше.

– Если понравится.

– Самая дорогая – голубая норка, та модель, что на манекене в витрине. Но мы даём примерять такое, только если точно будут брать.

– Хорошо, – легко согласилась Боярская, – я поговорю с Марианной, возможно, она пересмотрит правила... вместе с персоналом. Пойдём, Люд, нам тут не рады.

В итоге я стояла перед зеркалом, умирая от стыда за свои сапоги, джинсики, обветренные руки и дежурную причёску.

ку-косичку... И из-за этого не могла от души насладиться кайфом, что окутал мои плечи невесомой, сверкающей как вечерний снег роскошью. Как там, голубая норка? А по мне – так серебристая...

Конечно мы её не купили и даже не собирались, но когда я на негнущихся ногах спускалась по ступенькам на первый этаж, со мной происходило что-то необычное. Я словно выросла на целую голову, словно перемахнула через какую-то высокую планку и взирала теперь на всё с другого уровня. Вокруг ходили люди, сотни женщин, которые, как и я полчасика назад, даже думать боятся о том, чтобы подняться на этот райский третий этаж, и даже просто заговорить с продавщицей, которая вообще-то круче только тем, что перевешивает меха с место на место, сама же при этом тоже ходит в пуховике. Как там говорят «Золотом не быть, так хоть рядом полежать»? Вот, вот. Это про меня. Интересно, когда меня «отпустит», ломка будет?

– Ну что, к Ирине Степановне? – вырвала меня из ватного анабиоза Боярская. – Или ты ещё в шоке?

– Я... Блин, Оль, я столько денег уже потратила. А мне ещё за продуктами.

Она усмехнулась:

– Короткая у тебя память. Ирина Степановна охотно обслуживает по рекомендации. Да пойдё-ё-ём, у неё недавно завоз был, мне и самой интересно.

Там, примеряя сначала узкие чёрные брючки с парчовым

жакетом, а потом облегающее красное мини-платье с фигурным декольте, мне пришлось признаться, что нет уже ни тех туфель, ни тех полусапожек. И даже пояснить, что я их продала, когда нужны были деньги. Боярская только закатила глаза и вздохнула... И в этот были чёрные замшевые ботфорты на плоской подошве и лаковые туфли на шпильке с игривыми бантиками на пяточках.

Глава 2

Расстались с Боярской у той же комиссионки, где встретились – в двух остановках от дома. Потом я со всеми своими покупками примерно с полчаса шарилась по встречным магазинам, на случай, если Боярская станет следить за мной. А когда всё-таки решила, что теперь можно идти – на улице уже смеркалось. Накрутив нервы мыслями о возможной слежке, я вдруг почувствовала себя деревом в чистом поле: вот она я, готовенькая, бери – не хочу! Мне чудился взгляд в спину, машины, кажется, все как одна притормаживали, ровнясь со мной, и из них неизменно выглядывали подозрительные типы. Отойти от края тротуара, идти под самыми домами, чтобы труднее было затащить в салон, если что? Может, сделать вид, что иду мимо нужного дома и какими-нибудь окольными путями подрулить к нему с другой стороны? А если меня уже давно выследили и ждут в подъезде? Тогда лучше на лифте, или пешком?..

Ввалилась в квартиру в состоянии давно забытого детского ужаса. Только тогда я боялась бабайку живущего в темноте, а теперь – сама не знала кого или чего. Неведомую мафию, с которой так и не справился комиссар Коррадо Каттани?* Первым делом задёрнула все шторы, потом повключала свет. Приятная неожиданность: оказалось что и в спальней, и в зале, между нижним и верхним уровнями потолка были

запрятаны лампочки и можно было включать только их, создавая в комнате мягкий приятный полумрак.

Растянулась на кровати, закрыла глаза. Если бы умела – мурлыкала бы как кошка от удовольствия. Шикарная квартира, новые шмотки, новая сумочка и кошелёк, какие-то офигенские импортные кремчики-шампуньчики... И на сладенькое длинного дня – Денис, который скоро приедет, а уж тогда... У меня ведь тоже был припасён сюрприз для него. Как вишенка на торте для человека, который не любит с секс резиной...

Закинула продукты в холодильник, снова удивившись его первозданной пустоте и чистоте, забралась в душ. И всё-таки он несказанно круче чем у Барбашиных! Даже не сравнить! Пол, обложенный приятной шершавенькой плиткой – как невысокий подиум с бортиками, боковые и задняя стенки – капитальные, с россыпью непонятных серебристых пимпочек, а передняя раздвижная – из матового белого стекла. Довольно просторно. В принципе, при желании здесь можно было бы и ванную разместить. Включила воду в кране, попыталась перевести в режим душа и завизжала: в меня с трёх сторон впились тонкие тугие струйки. Лихорадочно выключила. Осмотрелась, оказалось, это из этих пимпочек. Попробовала снова. Струйки били довольно сильно, местами даже больновато, но чем дольше стоять, подставляя спину, бока и живот – тем кайфовой. Главное соски прикрывать, а то ощущение, будто дрелью сверлят. Потом нашла и как нормаль-

ный душ включить, но, если честно, особого удовольствия от ароматных гелей-шампуней не получила – спешила, суетилась, боясь не успеть к возвращению Дениса.

А в итоге – успела и искупаться, и высохнуть, и накраситься, и поесть. И по новому кругу обшарить квартиру. Теперь сомнений не осталось окончательно – она нежилая. И дело не только в девственном холодильнике. Взять, например, зеркальный шкаф: почему в нём только четыре полотенца, и сменный комплект постельного белья? Где вещи Дениса? Или вот, например, посуда: новый сервиз – тарелочка к тарелочке, чашечка к чашечке, ложечка к ложечке... так разве бывает в нормальных домах? А идеальные, нетронутые пламенем сковороды и кастрюли? А не знававший воды электрический чайник?

...Так и не поняла, как включить телевизор. Зато – о чудо! – нашла гладильную доску и утюг похожий на спасательную капсулу инопланетного корабля: кнопки, отверстия, непонятные функции... Ну ладно. От скуки перегладила все шмотки, которые у меня были с собой и, заодно, те, что купила. Развесила их в шкафу в спальней. Приглушив свет, покрутилась перед огромным зеркалом: новый халат прохладно струился по спине, животу, по голым ягодицам, по гладко выбритым ногам и томящимся в напряжённом ожидании соскám... Ну когда уже он придёт?

Дурачась, скинула халат на пол, жеманно откинулась на кровать, перекинула волосы через плечо... Как, в какой мо-

мент сказать ему, что можно без презерватива? При мысли о том, что рано или поздно, но уже сегодня близость, наконец, случится, учащался пульс, и на губах блуждала счастливая улыбка. обнажённое тело в отражении манило, дразнило, обещало... Вот только было бы кому! Хоть волком вой. Да, Денис Игоревич, вы многое упускаете... Томно скинула шлёпанцы на каблучке – сначала с одной ноги, потом с другой... А когда в дверном проёме мелькнул силуэт, у меня аж в глазах потемнело от мгновенного ужаса. Подскочила, намертво вцепившись в покрывало, таща его на себя и не понимая, что сама же сижу на нём... И уже в следующую секунду поняла, что это Денис.

– Твою мать, Денис! Какого... хрена? – согнулась пополам, унимая полыхнувшее сердце... Отходняк был такой мощный, что аж реветь захотелось, но я держалась и только бубнила под нос: – Бля-я-я... Денис, твою ма-а-ать...

– А действительно – какого? – строго спросил он. – Почему на засов не закрылась, как велел?

Я ойкнула и прикрыла ладонью рот:

– Разве? Блин, забыла, наверное.

– Я ж говорю, выпороть надо! – подытожил он и, подойдя, легонько пихнул меня назад.

Я смутилась, но лишь на мгновенье. Тут же взыграло счастливое дурачество, и я покорно легла, подчёркнуто стеснительно прикрыла ладонями груди... и, не разрывая контакта с его глазами, медленно развела согнутые в коленях

ноги. И я не я, если Денис в этот момент не стал вдруг похож на наглого котяру. Закусил губы, чтоб совсем уж не расползлись в довольной улыбке, бесстыдно рассматривал меня, поглаживал, проникал взглядом... Звякнул пряжкой ремня, вытащил из брюк рубашку. Ме-е-едленно, чёрт, как медленно, расстегнул манжеты... Я готова была кинуться на него, мне, кажется, уже хватило бы одного прикосновения, чтобы кончить, а он всё расстёгивал и расстёгивал дурацкие пуговицы, не прекращая трахать меня взглядом. Начал снимать рубашку – я кинулась было помочь, но он опередил:

– Лежать! И ножки поставь, как были...

О, бли-и-ин, сумасшествие какое-то! Я чувствовала, как влага, переполнив губки, щекотно сползает между ягодицами, шевелила пальцами ног, елозила бёдрами... А он всё-таки справился, стащил рубашку с раненого плеча, небрежно отбросил на пол. Бо-о-ожже-е-е! Шрамы украшают мужчин – кто этого не слышал? Но просто слышать и ощутить вдруг, что это значит – две огромные разницы! Вскочить бы, прижаться кожей к коже, обрисовать языком каждый изгиб его мышц, зацеловать каждую ссадину, поймать губами волосы на груди, потянуть, так чтобы вздрогнул и хоть чуточку ускорился... Но взгляд его по-прежнему командовал «Лежать!» и всё, что мне оставалось – изнывать от нетерпения и, очерчивая подушечками пальцев свои сжавшиеся в сладком томлении соски, отвечать ему таким же откровенным взглядом: «Ну дава-а-ай, уже...»

Он снял брюки. А-а-а, держите меня семеро, и как его трупы до сих пор не порвались от такого напора? Хочу, хочу, хочу его! Закрыла глаза, упершись макушкой в кровать, прогнулась, приподнимая грудь:

– Ну Дени-и-ис...

И рвано охнула, когда на самый низ живота легли его ладони и большие пальцы с нажимом обвели промежность. Скользнула пятками по покрывалу, случайно задела ногой его руку.

– Чшш... Аккуратнее с ножками... – шепнул он, и в следующий миг прильнул губами к лобку.

Я не удержалась, подалась ему навстречу, а он наоборот, отпрянул и тихо рассмеялся. Подул на горячую плоть, словно желая охладить, но только ещё сильнее распалил.

– Денис, ну давай уже! Или я сейчас сама всё сделаю, дождёшься!

– Хорошая идея, кстати.

– Издеваешься?

– Нет, правда, интересно.

Этого я не ожидала и совершенно не была к такому готова. Напряглась, не зная как реагировать.

– Ну давай, – он взял мою руку, потянул вниз, – покажи, как ты это делаешь. Смелее. Это же всё равно, что о себе рассказать – родилась, училась, работаю... Хобби, любимый цвет, любимая книга... Любимая поза, эрогенные зоны...

Говорил и при этом ласкал меня моими же пальцами. Ко-

нечно, я знала себя и даже если бы очень хотела скрыть что-то – не смогла бы. Каждое прикосновение было как пёрышко по оголённому нерву: мучительно прекрасно и поэтому – невозможно отказать. Лёгкие нюансы: здесь чуть сильнее, здесь чуть правее... быстрее... в другом направлении... А когда, вымазывая влагу, в сердцевинку скользнул, наконец, его большой палец, я застонала от изнуряющего удовольствия. Не оргазм, но близко, на самом краешке. Ухватила его за запястье, потянула на себя, без слов прося войти сильнее, глубже... Но он замер вдруг.

– А может, сначала поедим? Ты приготовила что-нибудь на ужин?

– Чего?! – я аж голову подняла.

Он рассмеялся, шутник, блин! Над моим лобком, как из окопа, виднелись только его глаза полные такого любования, что я задрожала.

– Денис... я люблю тебя.

Шепнула и чуть не заплакала, снова откинувшись затылком на кровать. Ну что я за дура? Зачем я это... Смешная, маленькая девочка. Нашла время, нашла повод. Не удержалась, а теперь стыдно. Но если бы не сказала – сгорела бы, кажется, изнутри... Мягко спружинила кровать – это Денис прилёг рядом. Ладонь раненой руки опустилась мне на живот – тяжело, словно вбирая в этом прикосновении всю меня, сминала кожу, безмолвно рассказывая о чём-то очень важном, о чём не сказать словами... И ей так же безмолв-

но втёрлил его взгляд: такой... такой... как же это объяснить-то...

– Ты это... – я кашлянула, стоня хрипотцу неловкости, спасаясь от нахлынувшего вдруг непонятного страха, – смотри, чтобы шов снова не пополз...

Он уткнулся носом мне в висок, закопался лицом в размётанные волосы:

– Мила-а-аха... Если б ты только могла понять...

– Не хочу ничего понимать! – перебила я его, словно боясь услышать что-то, к чему не готова, на что не знаю, как отвечать. – Тебя хочу, немедленно! Сверху хочу быть, ты же любишь так? – Мягко надавила, предлагая ему откинуться на спину. – Только ты командуй, я же, как бы, ни разу ещё...

Но Денис не дался. Снова скользнул ладонью по животу и ниже, погружая в меня сразу несколько пальцев.

– Глупышка ты. Я же сейчас как пацан прыщавый – только залезешь на меня, и сразу кончу. Не пойдё-ё-ёт... Я хочу, чтобы сначала ты, – склонился к моей груди, обвёл языком ореолу, пощекотал верхушечку и спустился чуть ниже, на рёбра. – Чтоб у тебя ноги дрожали, и голова кружилась, – покрыл игривой щекоткой губ мой вздрагивающий от предвкушения пупок и снова пополз ниже. – Чтоб стонала до хрипоты...

И вот тут, в самом нежном, налитом желанием месте прикусил. Не сильно, но неожиданно и так страстно, что я закулила от удовольствия, подалась бёдрами ему навстречу,

прося ещё...

И всё было, как он сказал: и ноги дрожали от изнеможения и голова кружилась от счастья... И когда он напоил меня досыта откровенными поцелуями и ласками умелых пальцев, поднялся, потянул за собой:

– Пойдём, поможешь мне обмыться хоть немного, я ж весь день в бегах.

В душе, стараясь не мочить повязку, я поливала его тёплым дождиком, скользила по телу мыльными ладонями, наконец-то наслаждалась волнами крепких мышц и курчавой жёсткостью лобка... Стоя у него за спиной, обхватила яички, покатила их в пальцах... и переключилась на «батю»... О, он был очень голоден! Очень требователен и готов на любые подвиги... Денис, зафырчал от удовольствия, но перехватил мою руку:

– Притормози-ка пока, и давай полоскаться, иначе я тебя сейчас прям в мыле...

...Выбрались из душа, прильнули, целуясь к стене – мокрые, дрожащие от нетерпения и предвкушения... Денис оттеснил меня к стиральной машине, и я поняла, чего он хочет. Легонько запрыгнула на неё, откинулась назад, раскрываясь ему навстречу. И заорала от удовольствия, когда он вошёл – с глухим рваным стоном, сразу до упора...

«За стройную фигуру – спасибо физкультуре», как говорится. Развела прямые ноги практически в шпагат, чем тут же вызвала жадный рык и неудержимый, мощный шквал

толчков... и в то же время, прочла на лице Дениса знакомую сосредоточенность и самоконтроль... Счастливо рассмеялась:

– Можешь так... в меня... Я... – как тут говорить, когда, остались лишь стоны? – Я таблетки пью... Можно не предохраняться больше!

По глазам увидела – услышал. В блаженстве задрала голову и, не имея больше сил дожидаться его, бурно, громко, бесстыдно кончила. Дениса это подхлестнуло. Долго, глухо застонал и...

Я сначала не поняла, не поверила ощущениям – горячие брызги на животе. Открыла глаза и чуть не заревела. Ну почему? Ну я же сказала, что можно... Ну он же услышал, знаю, что услышал! Почему? Ну почему?

Не справившись с эмоциями, закрыла лицо ладонью, закусил губу, держа слёзы. Ну почему?! Я так долго к этому готовилась, ждала, представляла себе, а он... Всхлипнула. Денис уперся лбом мне в грудь, прижал к себе, часто дыша, упиваясь мощными волнами отходняка.

– Господи, какая же ты сладкая...

Я снова всхлипнула, он поднял голову и требовательно отвёл мою руку от лица. Увидел слёзы.

– Ну чего ты, Милаш, – прильнул поцелуем, ласковым языком щёкоча моё небо, исцеляя глупую обиду, возвращая на небеса...

И это возвращение было таким мощным, что я, теперь уже

сама не понимая почему, просто разревелась. В его глазах появилась тревога.

– Ээй... Ты чего, малыш? Что случилось? Тебе было больно?

Я мотнула головой.

– А что? Ээй...

Пожала плечами.

– Стоп, ну так не пойдёт, – потянул меня на себя, ссаживая с машинки. Обнял, зажал лицо в ладонях: – Что случилось, Люд?

– Всё нормально...

– Ну как нормально, если ты плачешь?

– Это... От счастья, наверное.

Он замер на мгновение и, тепло рассмеявшись, зарылся лицом в мои волосы:

– Девочка моя, малышка... Где же ты раньше-то была, а? – Прижал сильнее, аж дыхание спёрло, и шепнул словно самому себе – так тихо, что я едва расслышала: – Ну почему только теперь? И почему именно ты?

Я обвила его руками, прорастая в него, любимого, каждой клеточкой, каждым движением души, каждым ударом сердца. Проникая, растворяясь, становясь отныне им самим... Но где-то в этом счастье – радужном, кристальном монолите, в драгоценном сплаве ЕГО и МЕНЯ, застыло маленькое мутное пятнышко: «И всё-таки, почему? Он же слышал меня, я знаю...»

Он предлагал пойти куда-нибудь, поужинать, но я отказалась. Послушно выслушала инструкцию пользования плитой и вытяжкой, пожарила яичницу с сосисками. Оказалось, что я не смогла включить телек потому, что это делается с пульта, а он для меня – китайская грамота, не меньше. Ели и смотрели какое-то кино, наверное, смешное, во всяком случае, Денис смеялся. Часто поглядывал на меня, но тут же отводил взгляд и, казалось, снова погружался в фильм. Я была истощена. Не физически – морально. Проклятая, ядовитая... обида? Да нет, не сказала бы. Скорее червоточина. Ощущение, что недостаточно хороша, что ли...

Не захотел, не принял мой подарок. Но почему?

И глупо было заикливаться на этом, и иначе не получалось – прям хоть бери, и спрашивай у него самого. Но это было бы ещё глупее. Подумал бы: вот малолетка-то, с малолетскими проблемами! Ну и к тому же, тоже мне, подарок. Пфф! Малолетский, как и я сама. Подумаешь невидаль – кончить в бабу! С его-то опытом!

Но всё-таки... почему?

Во время очередной рекламы Денис выключил звук, повернулся ко мне.

– Ну, рассказывай, давай, что случилось?

– В смысле?

– Люд, не прикидывайся, я же вижу, что ты дуешься. На что?

Я пожала плечами, улыбнулась:

– Да прям... Ну... Устала, может, но не дуюсь, точно!

– Угу... скажи, ещё, голова болит! Иди сюда. – Дождавшись, пока я подсяду ближе, под самый бок, обнял меня одной рукой, потёрся носом об щёку: – Говори.

Мелькнула мысль «А правда, спросить, что ли?», но тут же чего-то испугалась и только прильнула к нему ещё теснее.

– Нормально всё, серьёзно.

Он посмотрел на меня внимательно и снова включил звук. Поглаживал моё плечо, перебирал, накручивал на палец прядь волос. Но уже почти не смеялся над фильмом, да и задумчивый взгляд его всё чаще зависал в пространстве перед телеком. А когда фильм закончился, и я, забрав тарелки, пошла их мыть – направился следом. Подошёл сзади, обнял.

– Люд, я мужик, я не понимаю намёков, а от непонятных обидок у меня вообще паника начинается. Давай без этого, а?

А я бы и рада уже разрядить обстановку, но отчего-то вдруг так жалко себя стало... Аж в носу защипало.

– Ну что-о-о? – он помолчал, нервно барабаня по моему животу пальцами. – Ты не успела кончить, что ли, в последний раз? На это обиделась?

От неожиданности я приснула со смеху, а Денис наоборот – разозлился и, разжав объятия, отошёл к окну.

– Смешно? А мне нет! Я этого молчаливого загадочного дерьма во как нажрался за всю жизнь! – провёл большим

пальцем над головой. – И ты туда же! – Помолчал. – Милах, пойми, если ты не скажешь, я сам в жизни не догадаюсь! Но, блядь, это не мешает мне видеть, что ты дуешься, вот такая херня, представляешь! Вынос мозга называется! И как бы это сказать... Не слишком ли быстро мы переходим к этой стадии, м?

Ну вот. Теперь даже сама мысль сказать ему о причине, казалась настолько тупой, что не было и речи о том, чтобы начинать. Постояли, помолчали, я – глаза в пол, он – на меня.

– Ладно, – он решительно оторвался от подоконника, – сделаем по-другому. Стой, где стоишь. – И вышел из зала. Возвращаясь, крикнул ещё из-за стены: – Глаза закрой и не подглядывай!

Я послушно зажмурилась, почувствовала, как он встал сзади.

– Надеюсь, это перекроет мой залёт, каким бы он там ни был...

И на мои плечи опустилось что-то уютное, бесконечно мягкое и по одним только слепым ощущениям – роскошное. Дыхание перехватило от восторга.

– Отомри, – рассмеялся Денис. – И уже можно смотреть.

А ведь я сразу поняла, почувствовала, узнала её – голубую норку из салона! Дрожащими руками запахнула шелковистые пёлы, потерлась щекой о нежный мех воротника.

– Денис... – голоса, кроме шёпота, не осталось. – Господи, Дении-и-ис...

Всхлипнула. Он развернул меня к себе, обалдело заглянул в глаза:

– Что, опять?!

Я отрицательно замотала головой и бросилась к нему на шею.

– Спаси-и-ибо, спасибо, спаси-и-ибо!

А по щекам действительно катились слёзы. Что-то я и правда стала какая-то слабонервная.

Глава 3

– Ты крещёная?

Вопрос выдернул меня из мягких барханов самого первого, сладкого сна. Я непонимающе уставилась в темноту, туда, где напротив кровати, светился фосфорными красками морской пейзаж на картине.

– Милаш, спишь уже, что ли? Я говорю, ты крещёная?

– Угу... – и чуть было не провалилась обратно в сон, но, сделав усилие, всё-таки всплыла. – Бабушка крестила, давно уже. Года три мне было.

– А почему тогда крест не носишь?

Ну да, самое время для теологии, ага.

– Не знаю. У нас в семье к этому как-то ровно.

– А это что? – Денис поддел пальцем цепочку на моей шее.

В темноте я почти не видела его лица, но чувствовала, что он усмехается. – Ключ от сердца? Не друг ли из песочницы, случайно, подарил?

И остатки сна мигом слетели.

– От какого, нафиг, сердца, Денис?! Ты меня разбудил, между прочим!

Он отпустил цепочку.

– Чтоб завтра же сняла. Закажу тебе крест со Святой земли, его будешь носить.

Ох, как мне не понравилось то, КАК он это сказал! Та-

ким безапелляционным тоном, словно я была ему... Дочкой! Взыграло. Я инстинктивно, накрыла ключик ладонью.

– В смысле? Мне он вообще-то нравится, а цепочку вообще Медведь подарил, на память, так что...

– Чем нравится?

– Просто нравится! Красивый! А твой крест я даже не видела ни разу!

– А кресту и не обязательно быть красивым, ему важнее просто быть. Это символ веры, и если ты православная, ты обязана его носить и точка. Серьёзно, малыш, не обсуждается. Единственное – ладно, можешь таскать свой ключ, пока придёт крест, но потом чтобы поменяла, ясно? Цепочку, само собой, можешь оставить.

Я промолчала, но что творилось у меня внутри! Натянула одеяло до ушей и отвернулась.

– Кстати, что ты там про таблетки-то говорила?

Я, помедлив пару секунд, снова повернулась к нему.

– Контрацептивы что ли?

Вот прикольно-то будет, если он сейчас и за это меня нахлобучит.

– Угу...

– А ты в курсе, что их надо не один месяц пить, прежде чем действовать начнут?

– А вот представь себе, не дура! Только если б я знала, что тебе это нафиг не надо...

– Погоди... – Денис приподнялся на локте, всматриваясь

в моё лицо, – так ты из-за этого, что ли, психанула?

– Ничего я не психанула!

Он рассмеялся, и, откинувшись на спину «зачерпнул» меня с постели здоровой рукой, притянул к себе:

– Вот ты дуручка, а... Можно было как-то заранее это обсудить? Откуда ж я знаю, может ты их вчера пить начала и думаешь, что уже действуют? Ну? Я ж тоже не идиот, чтобы так тебя подставлять! Милаха, Милаха... – Поцеловал в макушку. – Сама придумала, сама обиделась, да? Как дитё малое, честное слово. – Снова поцеловал. – Что за таблетки-то хоть? Нормальные, надеюсь?

Я прижималась к нему и таяла. Вот уж правда – дуручка. Ведь даже в голову не пришло, что это был не отказ, а забота. И если бы он этого не объяснил, сама бы ни за что не догадалась.

– Марвелон.

Денис хмыкнул.

– Да мне это ни о чём, я в них вообще не разбираюсь. Мне главное, чтобы ты себе не навредила, гормоны всё-таки. С Боярской лучше посоветуйся, она наверняка всё знает.

Я выбралась из его объятий и, демонстративно накрывшись с головой, снова отвернулась.

– Ну чего опять?! – словно через вату, донёсся до меня возглас Дениса. – Ээй... – Одеяло настойчиво поползло вниз. – Если честно, ты меня задолбала своей таинственностью! Я прям в растерянности: чего от тебя дальше-то ждать?

Ау, слышишь меня? Что опять не так?

Я подумала-подумала, да и решила, что мне и самой эта загадочность надоела. Пусть будет правда в лоб, как он любит:

– Вот скажи, пожалуйста, а можно твою... бесценную Боярскую хотя бы в постель к нам не тащить, а?

– У-у-у... понятно. Ну-ка, иди сюда. Иди, иди сюда... – Заставил меня повернуться к нему, притянул голову так, что мы коснулись носами: – Прошное – это прошное. А в настоящем – ни Боярская, ни хренарская, ни какая, блядь, другая, будь она хоть мисс Вселенная, с тобой даже рядом не валяются, поняла? И чтобы я вот этих глупостей больше не слышал!

– То есть, у вас с ней всё-таки что-то было?

Он выдержал паузу, возможно даже обдумывая – послать меня на хер или ещё дальше? – но всё-таки ответил:

– Было, но давно. Теперь только деловые отношения. И давай-ка я повторю ещё раз, а ты услышь меня, пожалуйста, это важно – с Боярской ничего личного! Только деловые, ясно?

Я кивнула, и вроде бы разобрались, но когда уже легли, и я удобно устроилась на его плече, не выдержала:

– А ты её любил?

– Фф-ф-ф... – раздражённо выдохнул Денис: – Давай спать, завтра ранний подъём и куча дел.

И вот он уснул, а я валялась без сна и всё крутила в мыслях

эту проклятую Боярскую. Это ведь она ему про голубую норку рассказала, больше никому! И как это понимать? Денис попросил её затащить меня в тот салон, чтобы подобрать подарок, оставив его сюрпризом, или она сама подкинула ему эту идею уже после магазина? Но в любом случае, пока я его тут ждала и изнывала от тоски, он успел пообщаться с ней и, возможно, даже, увидеться. Нет, деловые отношения это, конечно, очень хорошо... но лучше бы Боярская была бритоголовым мужиком, вот правда!

Глава 4

Рано утром, когда на улице было ещё темно, за нами подъехал Медок – тот бритоголовый бугай, что спорил с Медведем, не желая втягивать меня в историю с пистолетом. Мы ехали куда-то добрых пару часов, я даже задремала на заднем сиденье. Оба они, и Денис, и Медок, были хмурыми, напряжёнными. Изредка переговаривались о чём-то вполголоса, но больше молчали. Наконец машина остановилась, Денис вышел. Я вроде засуетилась, не понимая, что делать мне, но Медок успокоил:

– Посиди, он быстро.

Помолчали, при этом Медок смотрел на меня сидя вполоборота, как всего пару дней назад смотрел Саня... Земля ему пухом.

– Ну что, как сама вообще?

– Нормально.

– М... – он побарабанил пальцами по спинке пассажирского кресла. – Не разболелась?

– Пфф... Разболеешься тут, как же – меня Медведь в скипидаре вымочил.

– А, да, он может, – хохотнул Медок. – Он мне как-то чиряк лошадиным говном вытягивал – тоже забавно было. Но, что интересно – помогло.

Помолчали. Чувствовалось, что этот бритоголовый, в об-

щем-то, и поболтал бы со мной... но о чём? Впрочем, и я бы с ним пообщалась, но тоже – о чём? Не о Сане же и его жене.

– А куда мы едем?

– В церковь.

– Это я знаю, но куда именно? Что-то далековато.

– Да уже, считай, приехали. Перевалово, слыхала о таком селе? Ну вот, – кивнул Медок и добавил: – Надо, обязательно. Я вот когда помру, за меня братаны тоже свечку поставят. И похоронят по-человечески. Ну там, памятник красивый, берёзку над ним. Чтобы было, куда прийти потом, и сказать: Привет, Андрюха, мы тебя помним. Классно же, правда?

Значит, всё-таки о Сане...

– А почему именно сюда надо ехать, почему не в городе?

Он задумчиво огладил свой мясистый затылок, взгляделся в подёрнутое розовым светом небо – день обещался быть ясным – развёл руками:

– А куда ж ещё? Саня тут и сам крестился и дочку крестил, и с Наташкой они здесь венчались. Даже жаль, что отпевать там, в городе, будут, но это уже мелочи... Сейчас Дёне лишний раз светиться ни к чему, а не проводить брата тоже нельзя. Не по-пацански. Считай, все наши сегодня по церквям разбрелись. Им-то там, – указал глазами вверх, – наверняка один хрен с какого аппарата звонят, главное, чтоб чтоб всё по чину было: свечка, там, молитва, поминки.

Вернулся Денис, а с ним поп. Забрались в машину, снова поехали. Я сидела на заднем сиденье рядом со стареньким

бородатым батюшкой, и почему-то радовалась, что, не смотря на опасение обидеть Дениса, не вырядилась сегодня в новую шубку.

На этот раз добрались быстро: всего парочка заваленных снегом улочек, и мы остановились возле небольшой обшарпанной церквушки, к которой стекались на воскресную службу местные жители.

Раньше я была в церкви только один раз, в три с половиной года, когда меня крестили, и помнила только то, как орал крещаемый вместе со мной грудничок, а я смотрела на него и тоже готова была разорваться от страха – мне казалось, что ему больно. Ещё помню, как долго тянулась та служба, как мне было скучно и я развлекалась тем что висла на деревянных перилах ступеней, ведущих на второй этаж, туда, где пел хор. Перила отчаянно скрипели, и тётенька, та, что следила за свечечками, неустанно шикала на меня и грозила пальцем. В конце концов, бабушка не выдержала, вывела меня на улицу и отчитала так, что я заревела. После крещения ко мне подошёл батюшка, и я, уверенная, что это и есть разгневанный моим поведением Бог, о котором говорила бабуля, забилась в истерике. А он сложил на груди руки и сотворил вдруг настоящее чудо – вынул откуда-то из недр широких рукавов шоколадную конфету...

После службы Денис и батюшка долго беседовали, стоя под потемневшей от времени иконой. Церковь была скромная, гораздо меньше, чем в Разгуляевке. Местами на стенах

и потолке цвели бурые пятна, свидетельства былых дождей, гуляли, срывая пламя со свечей, сквозняки. В конце беседы Денис маякнул Медку и тот поднёс ему дипломат. Денис вынул него брикет, похожий на кирпич, замотанный в газету и передал священнику. Тот, перекрестившись, принял деньги, а то, что это были они – почему-то было для меня очевидно, потом перекрестил Дениса, Медка, меня и удалился в неприметную дверку за церковной лавкой. Вернувшись, пригласил нас в трапезную – отобедать, но мужики спешили и поэтому отказались. Батюшка провожал нас до машины, а когда мы уже выходили из кованых ворот, протянул вдруг мне три грецких ореха на ладони. Теперь-то я знала, что это вовсе не чудо, но в носу всё равно засвербело.

Вернулись в город около двух дня. Остановились на улице Мира, у неказистого высокого забора. Справа через большой перекрёсток раскинулась шумная привокзальная площадь и здание центрального железнодорожного вокзала. Где-то за спиной, дальше по аллее Героев, стоял ЦУМ, недалеко от него, в палисаднике, возвышался постамент могилы Неизвестного солдата с вечным огнём перед ним, а ещё чуть дальше – бронзовый знак «Нулевого километра» вмонтированный в гранитную плиту. Центр, самое сердце города.

Через прореху в заборе мы с Денисом вошли на территорию сровнённого с землёй парка, остановились. Ни одного дерева не осталось, ни одной дорожки или клумбы. Подчи-

стю. Но Денис шмыгнул носом, и, сунув руки в карманы, как-то по-особенному гордо выпрямился, расправил плечи. Окинул разруху оценивающим, полным любования взглядом. Я улыбнулась – он был сейчас по-настоящему счастлив, и от этого была счастлива я. Могла бы сумничать, конечно, зарядить ему про исторический, пятикупольный храм тысяча девятьсот шестнадцатого года... но благоразумно промолчала, отдавая эту честь ему. Он повёл рукой, означая пространство от забора до забора:

– Вот это и есть то, о чём я тебе говорил, помнишь? То, что важнее любых денег, то за что я буду грызть глотку до последнего. Здесь в шестнадцатом году возвели храм – самый большой во всей области. В восемнадцатом, под рёв революции, освятили, а уже в тридцать втором взорвали – ну, борьба с ересью и всё такое. Парк на этом месте разбили. После Великой Отечественной парк восстановили, но к нашему времени видела, во что он превратился? Ну вот. А я однажды в Афгане зарок дал, что церковь поставлю – тогда даже не знал где, как, на какие шиши... Просто цель, которая душу грела, может, даже, выживать помогала. Я даже не мечтал об этом месте, да и бабла поначалу вообще не было. Но Господь услышал, и когда время пришло, послал и средства и место. Нет, правда, как будто сверху всё спустилось, как-то вдруг – Раз! – и все карты легли как надо. Просто ушлые ребята из Администрации поколдовали с ваучерами, – Денис усмехнулся, мотнул головой, – нда... Приватизация,

блин... Короче, переоформили назначение земельного объекта и на торги выставили, а ко мне просто за дешёвым забороном обратились, я как раз тогда деревообработкой занялся... Представляешь? Не забор бы – и не видать бы мне этой землицы... Но я у спел. Пришлось, конечно, и с другими желающими пободаться, и на лапу нехило кинуть, но вроде склеилось. А когда у меня уже на мази всё было – влез Филиппов, по матери – Киперман. Та ещё еврейская морда. Пока мы с тобой в Сочи, он тут поперёк течения. И знаешь, чего хотел? Центральный рынок сюда перенести! А Боярская, с-сука... Кстати, – повернулся ко мне, – как вы с ней, ладите?

Я пожала плечами:

– А как с ней ладить Денис? На какой почве? У нас вообще ничего общего... – насупилась и буркнула уже себе под нос: – Кроме тебя.

Он притянул меня к себе, потёрся щекой об макушку.

– У меня прошлый год вообще как никогда благодатный был. И бабла хорошо поднял, и с землёй сложилось, и ты, вот... – прижал меня ещё сильнее. Помолчал. – И хрен его разберёт, что от чёрта, что от Бога, но, Милаха, честно тебе скажу, иногда даже страшно бывает. Такая пруха, она ж как карточный выигрыш – просто так не даётся, её с процентами отработать надо.

– Ещё бы! Я Саню не знала, но до сих пор в шоке, а уж ты-то...

Он мотнул головой:

– Да не только в этом дело. Все под Богом ходим, в любой момент можем к нему отойти, и пацаны знают, на что идут. Нет, не в этом страх, а в том, что... – Помолчал, задумчиво дёрнул плечом. – Не знаю, может, в том, что упусти волну? Земля, деньги – это же ещё самое-самое начало только. Работы предстоит столько, что голова кру́гом, а ещё база – её тоже замораживать не хочется, такую здравницу там отгрохать можно! А ещё производства: чуть хватку ослабишь, тут же растаскивать начинают, причём свои же. Шакалы. Так что пахать и пахать, а мне, веришь, как пацану-переростку, только одного сейчас хочется: уехать с тобой куда-нибудь подальше и забыть обо всём. Как специально знаешь, – открыл ладони, и будто взвесил на них что-то: – Тут ты, а тут всё остальное, и надо выбрать. Просто засада.

Я уткнулась лицом в его грудь.

– Медведь говорил, ты теперь заляжешь на какое-то время?

– Нет, – подумав, мотнул он головой. – Не буду прятаться. Я ж тоже не пальцем деланный, и хотя до самых верхов ещё не дошёл, но и далеко не Дёня Кирпич уже. Перерос. Надо теперь и масть другую держать. Бегать и прятаться не буду – пусть считаются с тем, что я есть.

– Это опасно?

Он пожал плечами.

– Будем разговаривать.

Понятно. Сердце тревожно сжалось, но я велела ему мол-

чать, попыталась отвлечься.

– А почему Кирпич?

– Потому что всё началось с кирпичного завода. На «Тяжстроевских» дачах знаешь, глиняный карьер есть?

Конечно, я знала, и Ленка, кстати, тоже: на «Тяжстрое», если что, была Лёшкина дача. Кивнула.

– Ну вот. Там, если видела, заводик стоит.

– Хочешь сказать, он твой?

– Угу. И карьер тоже.

– Ничего себе...

– На самом деле херня – глина там не очень-то оказалась, а везти откуда-то из другого места на данный момент нерентабельно. Так, для бытовых целей кирпич подходит, конечно, но за него нормальной цены не возьмёшь, но хорошо и то, что в минус не падаем. А так, у меня ещё три карьера с щебнем и деревообрабатывающий завод. И новую линию штукатурок по итальянской технологии налаживаем. Парк строительной техники под аренду, четыре большие бригады строителей: от инженеров до разнорабочих – хоть высотки строй, не говоря уж о коттеджах, хоть мосты, хоть дороги. Всего понемногу, а в целом неплохо выходит, только возни много. Просто охрененно много. А Боярская...

Я невольно скривилась.

– ...Она почти с самого начала в деле. С восемьдесят восьмого, когда я всего лишь год, как Дёней Кирпичом стал. Ей тогда лет двадцать шесть, наверное, было, но работала за се-

мерых, хватала всё на лету. – Почти беззвучно рассмеялся своим воспоминаниям. – А видела бы ты меня тогда: кучерявый, с чёлочкой. Понтовый такой! А всех умений-то – только и есть, что воевать, а бизнес исключительно через шишки... Н-да, уж... – Помолчал. – А ещё Медков Андрюха, ну, Медок, – кивнул головой в сторону оставшейся за забором машины, – тоже с тех пор. Климыч – Климов Олег, счетовод наш или как это теперь модно – финансист. Был ещё Юрка Худяков, мы с ним вместе первый завод отжимали у прежнего руководства, так нет его уже, в девяносто втором не тем людям дорогу перешёл... Ещё Володька Немцов – он сейчас на Краснодарском карьере управляющим сидит. Это мой косяк, и, как видишь, не так и много, на всё хозяйство.

– А Медведь?

– Мишка друг, а с друзьями бизнес не делают.

– Почему?

– Потому, что бабло – лицемерная сука, из-за него не одна дружба похерилась, да что там дружба – кровные родичи убивают друг друга. Нам этого не надо. У него в Подмоскowie своё хозяйство, оружием торгует. Легально конечно, охотничьи магазинчики держит, целую сеть. А я, вот, здесь. Слава Богу, хватает толкового молодняка на подхвате, они и работать и зарабатывать хотят, а время такое, что в одиночку никак. – Подумал, усмехнулся. – Они на нас, стариков, как на небожителей смотрят, вот эта вся ерунда, типа «Батя» – это ж они придумывают, мне это нахрен не надо, лишь

бы субординацию соблюдали и по понятиям держались. А уж у них там свои игры в крутотень. Жаль только и на пулю первые лезут. И тоже – от понтов больше. – Отстранил меня немного, заглянул в глаза: – Ты вообще понимаешь, ЧТО я тебе рассказываю?

– Да вроде. Но ты же говорил, что мне вопросов твоего бизнеса касаться нельзя?

Про личную жизнь и семью я благоразумно промолчала, хотя понятно было, что куда уж больше, итак – влезла в них не то, что с головой – с ногами...

– Уже касаешься. И, что интересно, отгонять тебя не хочется. А вот некоторых «старичков» наоборот бы уже... Зажрались и забылись, того и гляди утопят, но так просто не выдернешь из связки, вот в чём проблема. Хочу, чтобы ты поняла это и запомнила.

– Это ты сейчас про Боярскую?

Он усмехнулся:

– Это ты сейчас про неё. И вчера тоже. И, если не объяснить тебе что к чему – и завтра, и через месяц, потому, что ситуации в моём деле бывают разные. Запомни одно: в плане личных отношений Боярская для меня отработанный материал, но она выросла в бизнес так, что не выдрать без больших потерь. Ну то есть, избавиться от неё возможно, конечно, но не сразу, не резко. И основания должны быть железные. – Взял меня за подбородок, заглянул в глаза. – Понимаешь?

Я отвернулась, порассматривала заснеженный пустырь,

из-за которого столько шума, нервов и даже человеческие жертвы. Но мысли всё равно были не о том.

– Значит, я была права, и ты действительно хочешь, чтобы я её пасла, да? Тогда уточни, пожалуйста – я-то у тебя в какую сферу попадаю? Личная жизнь или всё-таки бизнес? Или и то, и другое, типа, ассистент по делу Боярской с функцией потрахаться, когда приспичит? – Довольно резко выбралась из его рук, обиженно прикусила губу. – А вот интересно, эта вакансия новая, или были уже до меня счастливицы?

Денис спокойно сунул руки в карманы, изучил меня долгим, задумчивым взглядом.

– Я тебе сейчас интересную вещь скажу: на самом деле, то, кем ты для меня будешь, от меня уже не зависит. Просто потому, что со своей стороны я уже сделал всё для того, чтобы у тебя не возникало больше глупых вопросов. – Пожал плечами. – Похоже, ты этого не видишь. Жаль. Но и бегать за тобой с транспарантами я не буду, даже если очень захочу. Не та у нас с тобой ситуация, уж извини. Поэтому, ты либо доверяешь мне, либо нет. И я тебя не держу.

– Да причём тут доверие, я просто не понимаю! Ну то есть, я прекрасно вижу и квартиру, и шубу, и то, что ты рассказываешь мне больше чем положено, но... – задумалась на мгновенье.– Ну вот, например, Боярская – она у тебя в личном или в бизнесе? Такое ощущение, что и там и там.

– Так я об этом и говорю, теперь всё зависит от тебя. Я же

не скрываю, что Ольга была в личном – да, была, но потом, видно, решила, что этого мало. Её право, теперь она в бизнесе. Просто иногда ведёт себя так, словно не понимает, что в моём случае, и там и там – невозможно. Но это её проблемы, а я для себя давно уже всё решил.

– Ну а я? Я-то где?

Денис улыбнулся и притянул меня к себе.

– Какая же ты у меня дуручка ещё...

И мы целовались – долго, с наслаждением, потеряв счёт времени, и всё не могли остановиться. А за забором шумела жизнь: сигналили машины, ходили люди, гудели, отправляясь в дальние дали, поезда. И казалось – теперь-то город точно знает о нас всё, всё видит, всё понимает, но никому не скажет, потому что в безумной суете ему нет до нас дела. И никому нет, просто потому что кроме нас двоих – в целом свете тоже никого нет. И от этого словно вырастали крылья.

– Кстати, – шепнул мне в макушку Денис, когда кровь закипела настолько, что нам пришлось оторваться друг от друга, – мне очень понравилось, что ты сегодня не вырядилась в мехá. Боярская не догадалась бы. В этом и разница, огромная разница между вами! А что будет дальше, зависит от тебя, но я уверен, что ты не подведёшь.

Глава 5

Потом он привёз меня в квартиру и уехал. И снова беспокойство: где он, чем занят, что творится вокруг него, когда вернётся. Вернётся ли?

Последняя мысль была похожа на загноившуюся занозу – едва заметная, но мучительная. Я гнала её, старалась отвлечься. Повторила свою фитнес-программу, полистала спортивные книжки, прогнала в памяти технарёвские темы на понедельник. Заново перемерила шмотки, купленные накануне, поигралась с косметикой – красилась и умывалась, каждый раз пробуя что-то новенькое. При этом вздрагивала от каждого шороха, надеясь, что это пришёл Денис. Проверила, работает ли телефон. Выбралась в универсам, вернулась, сварила борщ...

Денис вернулся около восьми, но стряпню мою есть не стал. В другое время я бы, возможно, обиделась, но в этот раз мне было не до этого. Какой там! Мы даже до спальни не добрались – так и остались в зале. И в этот раз, стоя на коленях на сиденье кожаного дивана и упираясь локтями и лбом в его спинку, я чувствовала, как прижимаясь ко мне сзади, – тесно, словно пытаюсь слиться со мной в единое целое, извергается в меня Денис. Без резины. И может, это было и глупое, но всё-таки моё личное счастье. Даже какая-то победа, что ли.

– Собирайся, Милаш... – шепнул он, немного придя в себя, и выскользнул, возвращая меня с небес на землю. – Я столик заказал в «Робин Гуде», поужинаем там.

Шли пешком – просто растворились в толпе, затерялись среди сотен уставших, строящих планы, злящихся и смеющихся, среди верных и гуляющих, богатых и бедных, счастливых и несчастных – одним словом, среди таких же, как мы, простых смертных. Поначалу мне было страшно. Шубка глянцево блестела под фонарями и, казалось, вопила о себе на всю улицу, казалось, все смотрели на меня, на Дениса, на нас обоих... Но вдруг в этой толпе есть те, кому не надо бы видеть нас вместе? Например, его жена или Ленка, не говоря уж о всяких «серьёзных людях», о существовании которых я раньше и не задумывалась, а теперь – боялась их до оцепенения... Но Денис был спокоен. Сегодня, после воскресной службы и разговора с батюшкой, он вообще казался мне каким-то с одной стороны залихватски бодрым, а с другой – расслабленным, словно умиротворённым. От этого возникло стойкое ощущение, что всё налаживается, и страх постепенно уходил, оставляя лишь лёгкое облачко адреналина: а всё-таки, если жена? Как она себя поведёт? А Ленка? Само собой, встречи с ней я боялась больше, чем с Нелли Сергеевной, поэтому, когда почти возле самой двери Робин Гуда, Дениса окликнули по имени отчеству, и в высоком мужчине, протянувшем для пожатия руку, я узнала конвоира Ан-

дрия – испуганно отпрянула от Дениса, отпустила его локоть. Смешно, конечно, но уж как есть. Андрей же просто скользнул по мне взглядом и кивнул в вежливом дежурном приветствии, как кивают незнакомым людям. Я кивнула в ответ и выдохнула. Не узнал!

Они перекинулись парочкой общих фраз, и мы разошлись, но, как колотилось сердце! Вот это адреналин! Аж коленки ослабели.

В общем зале ресторана было довольнолюдно, а вот на втором уровне, о котором я в тот раз, когда сидели здесь с Денисом перед Новым годом, даже не подозревала, из пяти столиков был занят только один, на остальных же – таблички «Reserved». Мы прошли подальше от входа, в самый угол, и я окончательно успокоилась: здесь нас точно никто не увидел бы. Однако часа через полтора за моей спиной послышался смех, громкий возбуждённый разговор. Денис внимательно присмотрелся к суете и вдруг поднялся.

– Я сейчас.

И пошёл туда, к столику, который был занят с самого начала. Я украдкой обернулась и обалдела – там шикарной чёрно-гипюровой птицей порхала Зойка, собственной персоной! В руках цветы и блестящий бумажный пакет, волосы сверкают каплями тающих снежинок. Увидев Дениса, она шутливо и вместе с тем радостно вскрикнула, обдавая окружающих своим бархатным, с лёгкой хрипотцой голосом, а потом запросто расцеловала его в обе щеки. И он ответил

ей тем же! Они немного поговорили, и Зойка вдруг повернулась в мою сторону, махнула ручкой. Я махнула в ответ и смущённо отвернулась. Вот это сюрприз...

Минут через пять Денис вернулся, слегка взбудораженный, с широкой улыбкой.

– Не город, а лысая пятка какая-то, куда ни сунься, везде свои! – Он говорил это легко, и было видно, что неожиданная встреча ему приятна.

– А я её тоже знаю! – гордо похвасталась я. – Даже больше, я у неё работаю!

– Да ла-а-адно? – удивился Денис и накрыл мою руку своей. – Не может этого быть!

И весь его вид говорил о том, что подкальывает...

– В смысле? – не выдержала я. – Ты в курсе что ли?

Он смотрел на меня, перебирал, гладил мои пальцы и улыбался.

– Нет, серьёзно, ты в курсе? Она тебе рассказывала что ли?

– Милаш... Ты как к ней на работу попала?

– По объявлению.

Денис непонимающе мотнул головой.

– По какому ещё объявлению?

– Из газеты...

И тут до меня дошло! Вот это я тормоз!

– погоди, так ты мне тогда её номер, что ли, передал? – Рассмеялась. – Вы уж извините, Денис Игоревич, но я ту бу-

мажку порвала и выкинула! – Смеясь, ткнулась лбом в ладонь. – А-а-а, блии-и-ин... Вот уж правда – лысая пятка! Я к ней сама, по объявлению в газете пришла! Думала администратором возьмут, а получилось тренером. А ты, небось, в помощники бухгалтера меня сватал, да? То-то она тормозила тогда на моей фамилии!

Денис нахмурился:

– Каким ещё тренером?

– Обыкновенным, по фитнесу! Только теперь уже без брехни! Ну правда, не веришь, у Зои спроси!

Смеялась, глядя на его обалделое лицо, и, если прямо честно, радовалась тому, что так вышло. Оказалось, что для меня это очень важно – доказать, что и сама не лыком шита.

– Ну клуб у неё спортивный открывается через неделю – Олимп, ты не знаешь что ли?

– Знаю.

– Ну вот! Там! Пока три раза в неделю, по вечерам, а дальше – как пойдёт, в зависимости от того сколько групп наберём.

– Стоп! – он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. – Ты на кого учишься?

– На экономиста.

– Тогда какой, нахрен, тренер?! – И только теперь я заметила, КАК он на меня смотрит: строго, требовательно, словно ждёт отчёта. – Тебе сейчас надо учиться, нормальное образование получать и в нормальную профессию идти. Я,

кстати, давно спросить хотел, ты почему после одиннадцатого в технаре? С Ленкой на пару дурака валяли, вместо того, чтобы ко вступительным в институт готовиться? Ну ладно та, бестолочь, рассчитывала, что я за неё подсуечусь, ну а ты то?

Всё было неожиданно – и его резко сменившееся настроение, и открытое касание темы отцовства Ленки, и, тем более, недовольство мною. Я растерялась, зажала ладони между коленями, потупилась.

– Я могла бы поступить, легко! Просто возможности не было ехать в Москву, а у нас в городе, если ты не в курсе, экономической вышки нету... Пока. Говорят, в следующем году хотят открыть какой-то коммерческий институт, типа регионального филиала на базе нашего технаря. Но это ещё не точно и...

– А что, кроме Москвы нет городов ближе? – перебил он. Я промолчала, давя в себе неожиданный, острый протест. Какого хрена он меня отчитывает? Я ему кто – дочка что ли?! Почувствовала, как от гнева на лицо наползает краска, но Денис, похоже, воспринял этот румянец по-своему.

– Ну ладно, допустим, тогда у тебя не было возможности ехать, не беда, бывает. Но теперь будет, слышишь меня? Будет! – положил на стол руку, пошевелил пальцами, призывая меня протянуть свою, но я не отреагировала. Тогда он сжал её в кулак и, легонько постукивая им по столу, разложил меня взглядом до атомов. – Ну, просто... мозги у тебя

есть? Сейчас убьёшь время на этот клуб, скатишься в учёбе, а Москва – это тебе не провинция какая-нибудь! Серьёзно! Ты хоть раз там бывала?.. Ну вот видишь, а туда же – гоноришь! Местные красные дипломы там – это так себе, средний уровень, то есть для того, чтобы поступить в приличный вуз, это раз уж ты так нацелена на Москву, тебе надо быть раза в три круче самого крутого отличника здесь! Ты круче? М? Нет. У тебя даже диплом не красный!

Так сильно захотелось встать и, гордо послав его на хер, пойти домой! В общагу естественно. И, желательно, даже шубу здесь оставить! Но я не могла этого сделать, и не потому, что до дома почти час езды на перекладных, а на дворе зима, а просто потому, что это был Денис, и такая ерунда как чтение нотаций ни за что в жизни не смогла бы заставить меня отказаться от него. Но всё равно – обидно до слёз! И если и уйти сейчас, то только для того чтобы он их не видел. Денис помолчал, всё так же постукивая кулаком по столу и не спуская с меня взгляда и, наконец, рука его замерла.

– Ладно. Давай оставим пока эту тему, а завтра я поговорю с Зойкой. Ногами махать, это пусть ищет кого-то другого.

– Я не могу её подвести. Я обещала...

– Ничего! Она мадам простая, поймёт. Тем более что изначально об этом и речи не было, просто кое-кто оказался слишком уж додельным и своим упрямством попутал нам с ней всю договорённость. По объявлению, надо же... – Усмехнулся, помолчал. – К тому же, тебе через пару лет

всё равно практику проходить по профилю, вот и подумай, что лучше – бегать по магазинам, проситься куда возьмут, или сразу в проверенное место, с перспективой на будущее? Ну всё, перестань дуться! – Разжал кулак, снова пошевелил пальцами: – Мила-а-аш... Дай руку!

А я встала и, даже не глянув на него, поспешно вышла. Когда проходила мимо крайнего столика, меня окликнула Зойка, но я не отреагировала. Не до того было.

Слетела по ступеням на первый этаж, и в туалет. Заперлась в одной из трёх кабинок, залезла с ногами на ободок унитаза, чтобы меня не было видно в щель снизу и, усевшись на бачок, разрешила слезам течь. Не реветь, нет. Только слёзы, и сразу же – туалетная бумага в качестве платочка.

Конечно, я понимала, что реагирую неправильно, понимала и то, что Денис говорит дело. Его доводы обезоруживали, заставляли возвращаться к реальной жизни... Но чёрт, как мне не хотелось этого! Как я ждала открытия Олимпа, какими красочными были мои мечты о группе, которую я непременно наберу, и не одну, и не две, а по максимуму – и в этом даже не было сомнений! Что по сравнению с этими мечтами перспектива сидеть с утра до ночи над ерундовыми бумажками – лишь бы было чем меня занять, стоять в очереди в банке, оплачивая текущие счета, и по поручению главбуха бегать в «канцтовары» за стрижнями и бумагой для Ксерокса? Этого ли я хочу? Ещё пару-тройку месяцев назад, я бы, может, и засомневалась с ответом, но сейчас – точно нет. Не

этого. Однако Денис всё равно был прав. Сухо, прагматично, скучно... но прав! И мне оставалось только позволить следам иссякнуть и, успокоившись, вернуться за столик. Придётся, конечно, объясниться с Денисом и прогнуться. Через не хочу. Для своей же пользы. Или, как сказал он – для перспективы в будущем...

В туалет периодически заходили женщины. Они, наверное, думали, что пустая запертая кабинка неисправна и прекрасно обходились двумя другими, и если бы только видели меня! Я, пожалуй, выглядела комично: в дорогом парчовом жакете, в кожаных обтягивающих брючках и замшевых ботфортах – да верхом на унитажном бачке! Самой смешно, если бы не грустно... И ведь что ещё было обидно – даже несмотря на правоту Дениса, моё мнение не учитывалось! Вообще! Как будто он имел право в одностороннем порядке указывать мне, что делать! Как будто имел право повышать на меня голос, смотреть вот так – пронзительно, насквозь, так что хоть под землю проваливайся... Тоже мне, папашка нашёлся! Как будто некого ему поучать! Разобрался бы для начала со своей семейкой!

Когда дверь снова открылась, я почему-то сразу поняла, что это Денис. Замерла, стараясь не дышать. Вошедший проверил две открытые кабинки, постучал в мою.

– Люд? Люд, ты здесь? – недолгая пауза. – Слушай, вот если бы не рука, я б сейчас через верх к тебе залез, вот правда. – На верхний край передней стенки-ширмы легли паль-

цы здоровой руки. – Хотя, в принципе, знаешь, зашили два раза, зашьют и третий, так что...

– Не надо! – поспешно перебила я. – Иди за столик, я сейчас.

Задержавшись у зеркала, подтёрла поплывшую тушь, высморгалась. Глаза покраснели, конечно, но в целом... Вот что я делаю, а? Психанула, как ребёнок, честное слово! Причём, это уже который раз за последние сутки? Как там сказал Денис – вынос мозга? Угу, он самый. В общем, выходить было как-то стыдно... А с другой стороны – то, что Денис пришёл за мной приятно грело душу и, если прямо откровенно, теперь даже самой хотелось явиться к нему с повинной, повиснуть на шее и, положившись на сильные плечи, отдать все эти заботы ему. Сказал так лучше, значит лучше. Разве это не проще, чем мучиться выбором, метаться между «хочу» и «надо» и бояться, что прогадаю?

Он ждал возле гардероба, в руках – моя сумочка и шубка, и даже виду не подал, что что-то произошло. Спокойно помог одеться, подставил локоть...

– Машков, твою мать! – раздался сверху пьяненький окрик. – Какого хрена? Решил слинять по-тихому?

Я испуганно глянула на Дениса. Зоя мне нравилась, нравились её простоватые манеры, её броские, несмотря на неизменный чёрный цвет наряды, слегка душный, дурманяще-сладкий парфюм, блондинистое пышное безумие на голове... Шикарная женщина, так и хотелось назвать её шаль-

ной императрицей! Но всё-таки разговаривать с Денисом в таком тоне – это перебор. У него может замкнуть, и тогда я даже к её бухгалтеру на побегушки не попаду... Не говоря уж о тренерстве.

– Хоть Милаху свою мне оставь! Она у тебя заслужила, между прочим, грандиозную пьянку, а ты её под замок влочишь, кощей бессмертный, блядь...

Говоря, Зоя спускалась к нам, одновременно пытаюсь прикурить. Не получалось. Психанув, она отшвырнула зажигалку и царственным жестом вспенила свою и без того пышную шевелюру.

– Дёнь, ну ты что ль дай огонька даме?

Он усмехнулся и, поднявшись на несколько ступеней, поднёс ей зажигалку. Императрица с наслаждением затянулась и, подцепив его под локоть, потащила обратно вниз. Я, мягко говоря, охреневала: Зойка не была пьяна в уматень, так, чтобы списать на это её вызывающую фамильярность... Но и Денис не злился, и словно даже не обращал внимания на хабалистые манеры.

– Привет поближе, дорогая! – пропела Зоя, вцепляясь в мои плечи, расцеловывая в обе щеки, словно закадычную подружку. – Промчалась, такая, мимо, даже не посмотрела! Я уж думаю – ну ни хрена себе, звезда! А оно вон чего... – Затянулась, глядя на меня с пытливым прищуром. – Что, обижает тебя, зараза такая, да? – покосилась на Дениса. – Обижает? Ты только скажи, мы его быстренько кик, кик... –

изобразила пальцами ножницы, заговорщически подмигнула мне. – Будет тогда знать, как моих девочек обижать. Брутал хренов, бля.

– Зой, – Денис, посмеиваясь, приобнял меня, – ей завтра с утра на учёбу, поэтому мы пойдём.

– Ой, ой! Крохобор ты хренов, Машков! Купи девочке диплом и не еби мозг! Пусть жизнью наслаждается, пока молодая! На конкурс красоты её лучше отправь, или в модельное агентство какое-нибудь! Или у тебя это, – помахала рукой с сигаретой перед своим лицом, – тестостерон, бля, в глаза ударил, не видишь что ли её данные? Какая на хер бухгалтерия?

– Зой...

– Угу... – она выпустила дым и ткнула в его грудь пальцем, – вот и я говорю, кощей ты, Машков!

Заливисто, бархатно рассмеялась. И невозможно было слышать её смех и не улыбаться в ответ. Не удержался даже Денис.

– Извините, у нас курят только там, где есть пепельницы. Мы с Зойкой одновременно обернулись.

– Извините, – ещё разочек слюбезничал мужчина в бордовом жилете и зелёной рубашке. – Но вы можете покурить на крыльце или вернуться к себе за столик.

– Мм-м-м?! – охотно отозвалась на замечание Зойка и радостно подхватила мужичка под руку. – А ты кто такой, мой хороший?

Тот заметно растерялся.

– Администратор...

– Да-а?! – императрица демонстративно затынулась и тут же стряхнула пепел на пол. – А имя у тебя есть, администратор?

– Извините, не представился – Николай.

– Угу. Видишь ли какое дело, Коля... Я тебе не верю! – Зоя издевательски-сокрушённо покачала головой и снова затынулась. – Откуда мне знать, что ты не Толя? И откуда мне знать, что ты администратор, а не хрен с бугра, м?

Денис давил смех, а я охреневала от происходящего. И Николай, кстати, тоже.

– Если желаете, вы можете спросить у... у...

– Ну? Ну? – подначивала Зойка. – У кого?

– У управляющего.

– Зови!

– Эмм... Дело в том, что его сейчас нет и... А давайте, знаете, как сделаем – если желаете, я принесу пепельницу сюда!

– Ну вот что с ним делать? – уточнила Зойка, почему-то у меня, и тут же снова развернулась к Коле. – Бейдж твой где, администратор?

Тот глянул на свой нагрудный кармашек и, кажется, даже вздрогнул:

– Прошу прощения! Сейчас исправлю...

– Давай, давай, исправляй! – отпустив его руку, мурлык-

нула Зойка и, когда мужчина бросился к дверям нижнего зала, вдруг шлёпнула его по заднице. Рассмеялась. – Бракоделы хреновы. Своих поубивала бы, а с этих – чего взять? Приходится терпеть.

– Ладно, Зой, мы пошли. Ну правда, надо! – оставил шутки Денис. – Я завтра постараюсь к тебе заскочить во второй половине.

– Нахрена?

– Дело есть.

– Ну давай, попробуй... Только позвони в офис сначала, чтоб зря не гонять, или, ещё лучше отложи свои дела на вечер – когда Милуську в Олимп привезёшь, я как раз там буду.

– Разберёмся, Зой. Давай! Пáнину привет!

– Передам, так и быть, – она чмокнула в щёку сначала его, потом меня. – Но только если девчулю мою обижать не будешь, ясно? – Сжав кулак, сунула его под нос Денису: – Смотри, Машков, узнаю, что обижал – по судам затаскаю! – и они оба рассмеялись с такой готовностью, что сразу стало ясно – шутка не новая и, скорее всего, имеет подтекст...

Глава 6

– Не думала, что она такая шабутная, – хихикнула я, покрепче подхватывая Дениса под локоть.

Сыпал снег. Денис недовольно косился на меня и хмурился, отчего мне становилось не по себе, ведь там, в холле ресторана, напряжённая атмосфера как-то вдруг развеялась и даже возникла надежда, что мы больше не вернёмся к этой теме. Ведь он же вот, только что, смотрел на меня тепло, с любованием, а теперь снова...

– Ты знаешь, Зойка была не в курсе кто я, когда предлагала мне попробовать себя тренером... ну... инструктором по фитнесу. – Я даже не представляла, с какого края подбраться к этому вопросу, чтобы разобраться с ним раз и навсегда. – В смысле, она не знала, что я – как бы твоя протезе... И вообще, кажется только через пару дней вспомнила, где слышала мою фамилию.

Денис раздражённо вздохнул и, стянув с себя меховую шапку, нахлобучил её мне на голову.

– Я тебе про головной убор с прошлой осени твержу, неужели так сложно запомнить?

Шапка упала мне почти до переносицы – такая тёплая, уютная. Я поправила её и рассмеялась – теперь снег засыпал голову Дениса, а если учесть, что стрижен он был практически «под ноль», да ещё и шов на затылке...

– Да не надо, у меня есть! – я порылась в сумочке и достала свою вязанную «пидорку». – Просто она стрёмная. На, – вернула его шапку на место, – а то смотреть на тебя страшно, мозг стынет. – Натянула на себя свою. – Видишь? Вообще не под норку.

– Так купи нормальную, в чём проблема?

Я пожала плечами, промолчала.

– Завтра Боярской дам задание, может, после учёбы за тобой заедет, подберёте что надо.

Я кивнула, поймала на ладонь целую партию снежинок... Потом снова и снова. Да ладно, надо спросить, а то так и будет бередить...

– А это ты велел Ольге сводить меня в салон меха, или она сама?

– А это имеет значение?

Да блин, что за вопрос! Ещё как имеет!

– Да нет... просто интересно.

– Сама. – Посмотрел на меня и, отпустив локоть, прижал к себе одной рукой. – Я бы, конечно, тоже когда-нибудь свозил, но сложно сказать, когда именно. А Ольга привычная, сразу видит, где что не так. Поэтому и ты тоже не молчи, и если надо что-нибудь, сразу говори, иначе может надолго затянуться. У меня и правда, голова забита, я иногда пожрать забываю, а уж про шмотки-то...

– Мне духи нужны. И перчатки, ну или варежки приличные.

Он рассмеялся.

– Сделаем. И я рад, что ты одумалась по поводу тренерства. Это всё несерьёзно, поверь, а время идёт быстро: год – два упустила, потом не нагонишь. Тем более что теперь дело не зарплате, а в наработке опыта, а значит, и график сможешь гибкий строить, чтобы нормально с основной учёбой сочетать. И такой ещё момент... – помолчал. – Я надеюсь, ты Ленке не рассказывала про нас?

Сердце отчаянно затрепыхалось.

– Ну... Как сказать. Немножко. Но я же не знала, кто ты...

– Фф-ф-ф... Вот вы бабы, а... Обо всём что ли треплетесь? Что ты ей рассказала?

– Да ничего такого, правда! – И вдруг осенило – А ты само! Медведю ведь слил меня! Даже адрес сообщил.

– Это другое.

– Ну коне-е-ечно!

– Серьёзно. Тебе не понять. А скажи-ка мне ещё такую вещь... – Замолчал, и мы довольно долго шли, слушая скрип снега под ногами. Я поглядывала искоса на его сосредоточенное лицо и словно чувствовала, что лучше не лезть без спросу. – На базе тогда... Вы случаем не с Ленкой там развлекались?

Вообще, самообладание – не мой конёк, но в этот момент я вдруг неожиданно почувствовала себя бетонной стеной. Удивительно! Даже голову подняла, подставляя под снежинки лицо, всем видом демонстрируя небрежную расслаблен-

ность.

– Нет. Мы с ней не настолько прям дружим, чтобы такое...
– Словно балуясь, дёрнула ветку над головой, и на нас тут же обрушилась целая снежная лавина. Хороший повод за-
вертеться, отряхиваясь, и хоть немного сбросить возникшее
напряжение. – А не веришь, у жены своей спроси! Это она
не разрешает мне к твоей дочуне даже близко подходить.

– Серьёзно? Почему?

Я усмехнулась.

– Странно слышать этот вопрос от тебя. Я же по ваше-
му уразумению – низшее сословие, не для золотой короле-
вишны свита. Фортепианам не обучалась, в хореографиях не
плясала, импортных шмоток не ношу, моюсь раз в неделю,
да и то – в общественной бане. Мать уборщицей работает, я
помогаю постоянно. Отца вообще знать не знаю. Не дай бог
дочусю вашу чему плохому научу! Так ведь?

Денис усмехнулся.

– Я не знал. А Нелька может, да, не обращай на неё вни-
мания. – Глянул на меня: – Так, значит, не с Ленкой?

– Нет.

– А если бы с ней – сказала бы?

Я, опустив голову, промолчала. Он хмыкнул:

– Ну и как тебе верить после этого?

– Не знаю. Наверное, как я тебе – либо да, либо нет. Или
найди свидетелей, собери информацию, ты же, как показы-
вает практика, можешь... И ко мне ещё хвост приставь, а то

вдруг я тебе вру! – Распирало так, что казалось – взорвусь! Хотелось высказать ему за те брошенные в лицо деньги, и хоть приблизительно объяснить, что я перенесла в тот раз на базе, чтобы понял уже, что мне больно, чёрт, больно и тошно, и вспоминать об этом, и чувствовать себя виноватой! – А вообще, знаешь, что... Я на тебя и тогда не вешалась и сейчас не держу. Не хочешь, не верь.

Интересно, эта тема хотя бы когда-нибудь иссякнет или так и будет пролегать между нами трещиной, грозясь однажды превратиться в пропасть?

– Ладно, прости, – неожиданно мягко шепнул Денис и обнял меня. – Какие духи хочешь?

Глава 7

Он уехал утром, так рано, что я этого даже не заметила. Сама же проснулась от телефонного звонка. Подскочила, ло- манулась в коридор. Спросонья, вопреки директиве, сказа- ла в трубку предательское «Алло». Но, правда, и Денис обо- шёлся без всяких кодовых фраз.

– Соня, пора вставать! И сегодня после учёбы зарули ку- да-нибудь, купи себе будильник, ага? А то я чуть не забыл тебе позвонить.

– Ладно.

– В двадцать минут восьмого за тобой Макс подъедет, помнишь его?

– Не... не знаю...

Какой Макс, какие двадцать минут восьмого, куда подь- едет, зачем? Мозг ещё спал.

– Ну тот, что тогда на дверях стоял на Базе, помнишь? Ну, Милах, просыпайся уже! Плотный такой, коротко стри- жённый.

– Аа-а... Ну... Нет. Не особо. Увижу, вспомню, наверное.

– Ладно. Темно-синяя тойота «Камри». – Усмехнулся: – Только я тебя умоляю, не перепутай и не сядь к кому-нибудь левому! Сколько пар сегодня?

– Три. Э-э-э... четыре.

– Запиши номер Боярской, позвонишь, как освободишь-

ся, съездите, куда там тебе надо. Кстати, про будильник не забудь!

Пока я, сонная тетеря, нашла бумажку, ручку и, наконец, записала – Денис уже заметно торопился.

– ...Ну всё, давай, Милаш. И чтоб без приключений мне!

– Подожди, когда ты приедешь?

– Не знаю, не могу сейчас сказать. Но если задержусь, ты не кипиши, ясно?

– Угу.

– Всё, отбой.

Макса я вспомнила, как только увидела – это тот, который скептически, будто подержанную тачку, оценивал меня тогда на базе, а потом велел Коле Рыжему посадить меня куда-нибудь в уголок, «чтобы не мешалась Боярской». Правда, в этот раз он был подчёркнуто вежлив. Даже обошёл машину и открыл передо мной заднюю дверь. Куда ехать знал сам, я и слова не сказала. Сам же остановился за один квартал до технаря, видно получил распоряжение о конспирации. Снова оббежал вокруг машины... правда, пока дошёл, я, не привычная к такому сервису, уже успела вылезти сама.

– Во сколько забирать тебя?

Я от неожиданности даже растерялась:

– Зачем?

– Ну как, обратно отвезти.

– А! Да не надо, я сама доберусь.

– У меня распоряжение.

– Да правда, не надо! Я, может, с Боярской обратно, а может, к матери ещё зайду.

– Не, не канает. У меня распоряжение.

– Да блин, я не знаю когда и куда я поеду! Ну правда!

– Тогда я буду ждать здесь.

Я вздохнула. Что-то такой расклад мне совсем не нравился. Во-первых, не хотелось напрягать человека, а во-вторых, это напрягало меня саму. Словно цепь к ноге.

– Ладно, жди. Но, возможно, я уеду с Боярской.

– Предупредишь тогда.

Я кивнула и поспешила в сторону технаря. Но, когда синяя тойота осталась за углом, сбавила шаг... А потом и вообще остановилась.

Ну не могла я идти в технарь! Несмотря даже на то, что специально оделась в свои старые вещи: в стрёмный пуховик и сапоги, и взяла старую сумку... Всё равно не могла! Даже не представляла себе, как это – прихожу я, а там Ленка... И ладно бы просто Ленка, но она-то подогрета нашим последним телефонным разговором, в котором я сказала, что снова сошлась с Денисом. Начнутся расспросы – это точно. Что ей отвечать, как ей в глаза вообще смотреть?

Постояла в задумчивости и пошла в сторону магазинов, к матери.

Мама сегодня не работала. Жаль. Пожалуй, объясняться

было бы удобнее там, где много посторонних ушей – можно хоть немного спрятаться от ненужных вопросов. И вот, опять! Вопросы, вопросы! Куда ни сунься – вся прошлая жизнь, словно ревнивая жена, теперь будет встречать меня вопросами. А ответов-то нету! Вернее, есть, конечно, но такие, что... Короче – нету.

Общага после шикарной квартиры, в которой я и провела-то всего лишь двое суток, казалась скукоженным подобием жилья. Землянка какая-то или, например, чудом не падающая хибара. Неужели коридор и правда, всегда был таким узким? А полы? Они действительно были так сильно провалены по центру? Потолок в жуткой паутине – неужели её никто не видит, и снять некому? А запах... И, самое страшное – изнуряющее чувство тоски и безысходности, вьевшееся в стены, в двери, в мутные кухонные окна и в сам воздух. Господи, ни за что сюда не вернусь! Лучше уж правда, как Ленка говорила, одним местом на квартиру зарабатывать, чем здесь... Почему я раньше этого не видела?!

Матери и дома не оказалось. Я, изнывая от безделья, подождала её около часа.словно чужая территория: мне теперь и заняться-то здесь было нечем. Ладно, достала конспекты, полистала. Но обстановка давила. Давило и понимание того, что в любой момент может прийти мать и тогда не известно ещё, что будет. В итоге, оставив ей записку что заходила и, собрав кое-что из вещичек, я поспешила сбежать.

Выскочила на воздух, огляделась – Господи, это правда

моё прошлое? Всё такое старое, убогое... Но, вот что удивительно! – какое-то родное, словно даже тёплое. Как такое может быть?

Дошла до автомата, набрала Ольгу. Та долго не брала трубку, а я слушала гудки и думала: интересно, а этот номер домашний или офисный?

– Боярская!

Вот так просто, сходу, без всяких там аллё. Я даже растерялась.

– Ээ-э... Оль, привет, это Люда. Мне сегодня надо по магазинам... Ты когда сможешь?

Пауза. Слишком долгая, что бы не понять её смысл.

– Я сегодня вообще не смогу.

– А Денис сказал...

– А мне он ничего не сказал! И пока не скажет, я не могу, понятно?

И бросила трубку. Первые минуты я задыхалась от злости, потом поняла, что это скорее стыд. Если не позор вообще...

Да пошла бы она, эта Боярская! И Максим этот, и все эти протекции с барского плеча! И шмотки в которых я не могу ходить там, где происходит моя настоящая, повседневная жизнь!

Всё это показалось вдруг таким же чуждым, как общага. Словно не моё, словно я заняла чьё-то место, но вот-вот нагрянет разоблачение и... Если честно – страшно. И некуда приткнуться, вот в чём парадокс! Состояние «между». Свой

среди чужих, чужой среди своих. Но чёрт, как же хочется успеть пожить вот так, красиво, по-человечески!

В этой прострации я села в автобус и поехала на вещевой рынок, и только на середине пути вспомнила, что где-то там, недалеко от технаря меня по-прежнему ждёт Макс. Ну и ладно, не возвращаться же теперь.

В понедельник народу на барахолке было совсем мало – что продавцов, что покупателей, но всё-таки я нашла приличный жемчужно-серый берет из ангоры и перчатки к нему. Вот и всё. Сами с усами!

Всю вторую половину дня ждала звонка от Дениса, но его так и не случилось. Попутно терзалась – ехать в Олимп или нет? Ведь не знаю, что там у них за договорённости на счёт меня, а лично я обещала Зойке не подвести. В итоге принарядилась в новые шмотки и шубку, и поехала.

Но ни Зойки, ни её помощницы Нины, ни Бородина, ни вредной тренерши Галины Николаевны на месте не оказалось. Клуб был готов к открытию: уже никаких рабочих, никаких наброшенных на зеркала целлофанов. Всё чистенько, нарядно. Снежанка – девочка администратор, с кислой миной подписывала какие-то листочки, вроде маленьких рекламков. Я глянула – приглашения на открытие клуба. Целая стопка на стойке, и ещё две коробки возле ног. И на каждом нужно от руки написать дату и время... Долбануться можно! Хорошо, что я пролетела с этой должностью!

Зашла в тренерскую, с замиранием сердца вынула из своего шкафчика форму, ту, с золотыми лосинами. Неужели так и не придётся в ней пощеголять? Обидно.

Не удержалась, переделалась. Лайкра приятно обняла тело, подчеркнула изгибы, и тут же захотелось движения...

В общем, я-таки отработала часовую программу, уже практически не подглядывая в телевизор, и настроение, как всегда бывает после спорта, сразу же подпрыгнуло. Захотелось продолжения. Пошла в тренажёрку. Не факт, что правильно, но перепробовала все тренажёры. А потом и Бородин подошёл. Я подождала, пока он разомнётся, и мы с ним забурились в мой зал – я показывала ему свою программу, а он комментрировал, подсказывал где я что не так делаю, указывал моменты чреватые травмами, объяснял, как их избежать...

А когда я очнулась, было уже около девяти вечера. Вот блин, а мне-то казалось, ну, часов семь... От ужаса аж сердце застучало с перебоями – если Денис уже дома, то мне кранты! И вроде и позвонила бы предупредить – да вот номера-то не знаю!

Петька, видя мою тревогу, предложил подвезти, и я почти согласилась, но в последний момент в груди тревожно ёкнуло: не дай бог до Денис узнает, что кто-то меня возил... – и я отказалась.

Увы, Олимп находился не в самом центре города. Минут двадцать на автобусе, потом две остановки на троллейбусе.

Когда шла от троллейбуса в сторону дома, в довершение всех проблем ко мне прицепился мужик кавказской национальности. Сладко свистел в уши, называл красавицей, желал познакомиться. Чтобы наверняка отстал, я соврала, что вообще-то замужем, а он не растерялся, обвинил мужа в том, что тот дурак, мол, разве можно такую красавицу отпускать одну в такое время? Набивался в провожатые. Пришлось сказать, что я уже пришла, свернуть в ближайший квартал и нырнуть в первый попавшийся подъезд.

Минут десять, наверное, отсиживалась на лестничной клетке третьего этажа. Потом с замирающим сердцем вышла на улицу...

Мужика не было. Во избежание новой встречи с ним, на проспект я не вернулась, пошла наискосок через квартал. На выходе из него, в промежутке между домами, стояли два ларька. Как-то вдруг вспомнился разговор Дениса и Боярской тогда, на базе, и я подумала – не Денис ли, интересно, их ставил? Задумавшись об этом, даже не обратила внимания как от ларька отошла женщина и засеменила впереди меня. Миг – как всегда неожиданный – и женщина, поскользнувшись, рухнула на спину. Я подбежала, помогла ей подняться, и оказалось, что та не может встать на ногу. Она непрерывно охала, охи её сливались в сплошной стон, граничащий с воем... А вокруг – ни души. И что мне с ней делать?

– Давайте, может, я вас до подъезда доведу, вы на скамеечке подождёте, а я сбегая, скорую вызову?

– Оо-ох-ох-ох... Аа-а-а...

– Перелом, наверное. Давайте, осторожненько...

– О-о-й... Нет, погодите... Помогите просто, меня там за углом муж в машине ждёт... Оо-о-ой...

Я повела. Женщина стонала, неудобно обхватывая меня за шею, заваливаясь при каждом шаге.

– О-о-ой, спасибо вам...

Я глянула ей в лицо – относительно молодая, может, лет тридцать пять... И мне вдруг показалось, что я её знаю. И пожалуй... Хотя нет. Показалось.

– Сама бы в жизни не дошла... – причитала она. – Вы извините, что задерживаю... Но если бы не вы... не представляю... О-о-ох, как больно, только бы не перелом, блин...

– Да о чём вы, вообще без проблем! Мне не сложно. Это вам ещё повезло, что муж на машине – скорую можно и час дожидаться, на морозе-то!

– Ой, только бы не это! У меня же ребёнок совсем маленький, как я с ним на костылях? Осторожно, здесь ограждение грязное, не испачкайте шубку.

Добрели до машины, я, придерживая пострадавшую одной рукой, открыла дверцу. Женщина, качнувшись вперёд, грузно навалилась на меня, так, что я чуть сама чуть в салон не рухнула. Но не рухнула, устояла... упершись взглядом в лицо сидящего на водительском сиденье мужика. Того самого, который вот только пятнадцать минут назад набивался ко мне в провожатые. Медленно, не отводя взгляда от его глаз,

я выпрямилась, опустила руки – в грудь мне смотрело дуло пистолета.

– Шубу снимай! – вполголоса приказала тётка. – И сумочку тоже давай! – потянула за ремень.

Я позволила сумке соскользнуть с плеча, и тётка тут же швырнула её на заднее сиденье. Мужик шевельнул пистолетом, подмигнул:

– Шевелись, красавица, а то муж заждался, наверное.

Что-то здесь было не так. На уровне интуиции. Я видела его кавказское лицо, чёрные глаза, окаймлённые шикарными густыми ресницами, бороду без усов, большой нос. Пожалуй, приятное лицо, особенно глаза... Они смотрели мягко, словно окутывали искристым бархатом, и не вязалось с ними пистолетное дуло! Но всё-таки оно было, и целилось мне в грудь.

– Ну? – прикрикнула тётка. – Жить надоело?

Вот оно! Жить надоело... Можно подумать, они отпустят меня, после того, как я видела их лица... Я невольно глянула и на женщину, и вот теперь узнала точно! Та белокурая, беременная... тварь, которая сдала мне чужую квартиру!

Она грубо дёрнула меня за ворот:

– Давай, давай, снимай!

Я подняла руки «сдаюсь» и осторожно потянулась к пуговицам:

– Я отдам... пожалуйста, я отдам... только не стреляйте. Пожалуйста!

Расстегнулась. Зажатая в промежутке между салоном, приоткрытой передней дверцей и тёткой, с трудом сняла шубку, машинально сложила её подкладкой наружу – чтобы мех не испачкался. И, отдавая тётке, пихнула её с силой, одновременно поднимая крик.

Тётка упала, я, не церемонясь и не переставая звать на помощь, ломанулся прямо по ней в сторону ларьков. А оттуда на мой призыв уже спешил какой-то мужичок. Машина бандитов взвыла и сорвалась с места. Я отбежала в сторону и, прислонившись спиной к дому, осела на корточки.

– Девушка, вы как? – крикнул мне от дороги тот дядька. – Лица запомнили, описать сможете?

И я ушам своим не поверила. Бородин?! Поднялась. Петька подбежал ко мне и тоже замер.

– Хренасе... – Но тут же очнулся, накинул на меня свою куртку, обнял, успокаивая. – Всё нормально, Люд? Ну, ну, перестань, не реви. Всё позади!

– Петь, они шубу украли... Норковую!

– Вот глупая, главное, что ты сама живая! – всё так же обнимая, Бородин потянул меня за собой во дворы. – Пойдём, милицию вызовем. Видишь, как удачно совпало, я ж тут живу, вон, в первом подъезде. Вышел в ларёк за хлебушком, блин. Тоже удачно, между прочим – так лениво было, если честно, даже думал картошкой обойтись. Ты вот только неудачно тут оказалась, да?

Я истерично расхохоталась. С одной стороны – отходняк,

а с другой – ну что это за хрень такая по жизни, а? Ведь именно в первом подъезде я отсиживалась, ожидая, пока свалит назойливый провожатый.

– Не на третьем этаже, случайно, живёшь?

– Нет, на втором. А ты что тут делаешь? Говорила же, что домой спешишь? Ты ж, насколько я помню, возле мебельного обитаешь? Далековато отсюда, практически через весь город!

– Нет, Петь, я теперь тоже тут неподалёку. В белой новостройке.

– Ого, там же элитки?

– Ну да.

– Ну, – смущённо хмыкнул он, – тогда не падай в обморок от моей однушки. Я её прошлым летом купил и ещё не ремонтировал.

– погоди, – я, опомнившись, остановилась. – Мне домой надо, Петь!

Но он снова настойчиво потянул меня за собой.

– Сначала милиция. Такие вещи всегда по горячим следам надо разгребать, пока они шубу твою перекупщикам не толкнули, а то тогда крайнего не найдёшь.

– Не, Петь мне срочно, вот, прям, срочно надо! А милицию... я не знаю, на счёт неё. Не уверена, что это хорошая идея.

Он хохотнул:

– Я что-то не понял? Шуба изначально ворованная?

– Петь, я не могу сейчас объяснить, просто не уверена, что надо в милицию... Ну... не могу объяснить! – И вдруг замерла. – Блин! Там же не только шуба, но и сумочка! А в ней ключи...

– Ну, время десять, дома-то наверняка кто-то есть?

– Не факт.

– А телефон? Пойдём, позвонишь от меня, если кто есть, я тебя на машине отвезу. Нет – у меня перекантуешься.

– Телефон есть, но я не знаю номера.

– Эм-м... Ну ладно, а адрес? Можно по нему в справочной узнать.

– И адрес не знаю. Сегодня третий день, как я там живу... Ты, просто отвези меня, ладно?

Окна были тёмными.

– Может, спят? – задумчиво спросил Петька.

Я мотнула головой. Попросить, чтобы отвёз в общагу? Да, уж... можно представить, что будет, если Денис вернётся ночью и не обнаружит меня в квартире! Посидели в молчании минут пять.

– Ну а чего теперь-то? – не выдержал Петька. – Поехали снова ко мне, переждёшь там. Ты с родителями живёшь?

Я снова мотнула головой, и Петька, бросив на меня быстрый взгляд, вздохнул:

– Поня-я-ятно... Ну а с другой стороны – что тебе теперь, на улице что ли сидеть? Он же должен понимать, что зима

вообще-то. Поехали, чего время терять! Ментов пока вызовем.

«Позвонить Боярской? Может, у неё есть способы связаться с Денисом?» Нервно усмехнулась. «Ага... Можно ещё Ленке позвонить, уточнить, не знает ли она где папка»

– ...Ау, Люд? Ты чего решила-то? – выдернул меня из задумчивости Пётр.

– Давай я сначала сбегая всё-таки, проверю – вдруг и правда спит уже? А потом уже и думать будем.

– Тебя проводить?

– Ни в коем случае!

– А почему нет? Я, в конце концов, свидетель происшествия и, можно сказать, алиби твоё! Как по мне – я бы больше поверил, если бы моя девушка вот так пришла с кем-то, чем сама по себе.

– Не, Петь, тут совершенно особый случай. Давай это... Я сбегая, проверю, ладно? А ты подожди.

– Ну а как я пойму, что ты на месте, если что?

– Я свет включу. Вон те два окна на четвёртом, видишь?

Петька наклонился, но не увидел. Вышли из машины, я показала ему нужные окна. Скинула с плеч и вернула ему куртку.

– Может, мне всё-таки подняться?

– Нет, Петь, жди здесь. Я, если получится, выгляну в окно, что всё в порядке, нет – тогда просто свет включу. Но скорее всего, сейчас вернусь обратно.

– Ну давай, жду.

Дверь открылась практически сразу. Два полюса: безумная радость, что Денис оказался дома и оцепенение от предстоящих объяснений. Но радости больше. Повисла у него на шее... и обожглась об холодную сдержанность. В полном молчании разулась. В молчании же прошли в зал. Там работал телек, и меня осенило – портьеры! Настолько плотные и тяжёлые, что ничего не видно, и не факт даже, что включенный свет будет заметно. А не показать, что зашла и у меня всё нормально – Петька ведь может и подняться. Этот точно не струхнёт!

– А чего ты в темноте? – глупо спросила я и щёлкнула-таки выключателем.

Денис смотрел на меня, угрожающе играя скулами. Непробиваемый, как стена.

– Денис, я... Я ждала тебя весь день, а потом в Олимп поехала...

Он молчал.

– Ну потому что, знаешь, ты сказал – решишь вопрос, но не позвонил даже! А я же обещала ей, что не подведу!

Денис молчал. Лицо – бетон, впрочем, я особо и не разглядывала. Страшно было глаза поднимать.

– Ну... А ещё, я просто забыла сегодня про Макса. Ну, по привычке села на автобус и всё!

Будто между делом подошла к окну, поправила шторы, мимолётно выглянув в щель между ними. Конечно, я не

успела разглядеть ничего во дворе, но большее – не в моей власти. Оставалось надеяться, что Бородину хватит и этого.

А Денис молчал. Не обвинял, не требовал, не скандалил – просто молчал и наблюдал за мной. Но уж лучше бы орал, вот правда!

– Ну?! – не выдержав, вскинулась я сама. – Ну давай, скажи уже! Опять не выполнила приказ? Или, может, ты думаешь, что я на блядках была? Да? Не видишь, что ли, в чём я пришла?! – Осела на диван. – Денис... у меня шубу... – и, закрыв лицо руками, заревела. – Пистолетом угрожали...

Он, всё так же, «на бетоне», приказал:

– Подробнее!

Я, сбиваясь, отвлекаясь на рыдания и оправдания, рассказывала. А как только дошла до того момента, что узнала в той тётке мошенницу, которая кинула меня тогда с распиской, Денис перебил:

– Номер машины помнишь?

– Нет.

– А лица описать сможешь?

Попыталась. Выслушав, Денис вышел в коридор. Я кинулась следом – куда он собрался?! Искать? Ловить? Не пушу! Не хватало ещё, чтобы из-за шубы его... Но он только набрал номер по телефону, дождался ответа.

– Здоров, Андрюх! Не знаешь, когда Марата грохнули, шайка его рассыпалась или нового пахана поставили? Угу... Угу... А как на него выйти? Угу... Да, давай. Угу. Срочно,

да... – Бросил на меня короткий взгляд. – Милаху мою обидели. Угу... Угу. Да, давай. – Нажал отбой и тут же набрал другой номер. – Макс? Десять минут у тебя... – И вдруг взорвался: – Мне твои объяснения на хер не нужны! Десять минут, и чтоб у подъезда был!

Бросил трубку, молча прошёл мимо меня, выключил в зале свет, и, слегка отодвинув портьеру, встал у окна. Я сначала не решалась, а потом плюнула на всё, обняла его со спины, уткнулась лицом между лопаток.

– Денис... прости.

Он не отреагировал, и вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Пистолет в грудь – это другое. Это адреналин, все системы на тысячу процентов. Обострённые реакции и бесшабашная спасительная смелость... А сейчас я просто летела в какую-то ледяную пропасть и не знала, как остановиться, потому, что Денис словно не замечал меня. Что было у него в голове, что на сердце? Без понятия. С какого края подступиться? Тоже не знала. Злится на то, что пошла-таки в Олимп? Или на то, что уехала без Макса? Или жалеет, что отвалил такую кучу бабла на шубу для бестолковой дуры?

– Денис, просто я домой сегодня заходила, а потом... Ну забыла я! Просто забыла про Макса!

Он расцепил мои руки и пошёл в коридор. Обулся, сдёрнул с вешалки куртку. Повесил на освободившийся крючок свои ключи.

– Жди звонка. – И ушёл.

Я бросилась к окну. Видела машину и Макса стоящего возле неё. Видела, как из-под козырька подъезда вышел Денис и, не ответив на протянутую в приветствии руку, сел на переднее пассажирское.

Потом лежала на диване, тупо пялилась в беззвучно работающий телек и вспоминала минувший день. Как жаль, что нельзя прожить его заново и справиться все косяки! И только спустя час, наверное, увидела на тумбочке, прямо перед мерцающим экраном телевизора, коробочку с парфюмом. Тем самым, который просила у Дениса вчера вечером.

Глава 8

Телефон позвонил в начале второго ночи.

– Извините за беспокойство, – вежливый, смутно знакомый голос. – Денис Игоревич просил передать, что через пятнадцать минут вы должны быть готовы. Я подъеду за вами на вишнёвой мазде.

– Вишнёвой? – глупый вопрос, конечно. Как будто на свете кроме чёрной мазды Коли Рыжего нет других...

– Да, вишнёвая. К подъезду.

Это оказался вежливый водитель Виталий в элегантном драповом пальто и с белым шарфиком спущенным по плечам. Тот самый, который вёз меня в тот памятный раз на базу. В этот раз мы так же плавно, но на такой же охренительно высокой скорости выехали из города с южной стороны и, подождав, пока на железнодорожном переезде откроется шлагбаум, свернули с главной дороги. Если бы не ночь и не зима, я бы подумала, что мы едем к Лёшке на дачу. Хотя... примерно туда мы и ехали.

Я даже не задумывалась никогда раньше – работает ли кирпичный завод зимой? Оказалось, работает. Возможно не в полную мощь, но всё же он гудел, устало вздыхал, разрывал ночь сигналами, похожими на автомобильные. Ворота перед Виталием открыли без лишних вопросов. Так же беспрепятственно мы проехали по небольшой, в общем-то, террито-

рии, в сторону широкого одноэтажного корпуса. Там меня «перенял» незнакомый мне тип, повёл внутрь. Облезлые коридоры, относительная тишина и холод. Из внешних помещений, через дверь, врезанную в большие глухие ворота, мы попали в просторный ангар. Судя по бесконечным штабелям кирпича и приятному кисло-сладкому запаху обожжённой глины – склад. Дежурный тусклый свет, тишина уже гораздо плотнее, чем снаружи.

– Осторожнее под ноги... Давай, я посвечу. – Провожатый включил фонарь, довёл меня практически до противоположного угла ангара. Здесь был закуток свободный от штабелей, горел прикрытый фуфайкой прожектор, едва-едва выхватывая из полумрака силуэты двух мужиков сидящих на стульях, и одного стоящего рядом. Когда подошла ближе, оказалось, что сидящие, это Медок и Денис. Стоящий – какой-то незнакомый тип с жутким шрамом в полщеки. Денис глянул на меня и встал, жестом приказав занять его место.

– Давай! – махнул он рукой тому, со шрамом, и отошёл в тень.

Шрамированный куда-то побежал, Медок подмигнул мне и поднялся. Это было похоже на кино про мафию: ночь, промзона, разборки... Оставалось надеяться, что тазика с цементом нет. Я завертелась, ища взглядом Дениса, но увидела лишь неясную фигуру чуть поодаль. Послышалась возня и впереди закопошились тени. Короткий свист, и Медок театральным жестом содрал с прожектора фуфайку. Луч

света ударил прямо по стоящей на коленях парочке: мужику кавказской национальности и блондинистой бабе. Мужик был связан и побит: один из красивых бархатных глаз затёк, под носом кровь. Баба взлохмачена, в руках – моя шуба. Она прижимала её к груди с таким остервенелым отчаянием, словно та была непробиваемой бронёй, щитом или, даже, индульгенцией на все случаи жизни. Я глянула по сторонам, отыскивая Дениса, но теперь, после того, как посмотрела на яркий свет, тени сгустились до непроглядного мрака. Зато на «сцену», толкая перед собой тележку, вышел Медок. Ох и вид у него был! Глянцево отблескивала лысина, лицо – как кирпич из ближайшего штабеля: непроницаемое и чертовски суровое. Тележка обычная, на которых возят мусор или, там песок, или, скажем актуальнее – глину, прикрыта сверху куском фанеры, а на ней, как на столике разложены: паяльник, утюг, плоскогубцы в ассортименте, топорик, какая-то бутылка с жидкостью. У меня от ужаса аж дыхание спёрло, а баба и вовсе завывала – тонко, истерично, и как стояла на коленях, так и попятилась назад.

– Вы... – я в шоке поднялась, – ребят, вы...

– Не надо ничего говорить, – едва слышно сказал мне из-за спины голос Дениса. – Просто сиди.

Я безвольно опустила на стул. Теперь я знала, где Денис, но почему-то его присутствие жгло спину и затылок, окатывало меня волной страха и неожиданной неприязни. До тошноты. Хотелось вскочить и заорать – прекратите! Но даже

если бы я смогла встать, крикнуть точно не получилось бы. Не было ни голоса, ни дыхания, ни сил.

– Ну что, ребятки... Попутали вы малёха, да? – небрежно обронил Медок, вставая прямо перед ними. Жадность, сука, сгубила-таки фраера, да? – склонился перед мужиком, резко дёрнул его за подбородок, заставляя поднять голову. – И как же нам теперь быть?

Тот испуганно отпрянул:

– Брат, брат, всё вернём! И сверху накинём, брат!

Медок почти не замахиваясь врезал ему по лицу так, что тут свалился на бок. Я вскочила.

– Сядь! – строго и холодно приказал мне из-за спины Денис.

Села. Хотелось реветь. Хотелось сбежать. И пофиг, что кряхтящий, безуспешно пытающийся встать на ноги мужик всего лишь несколько часов назад угрожал мне пистолетом и, если бы не счастливая случайность, возможно и убил бы. Что было, то было, оно уже казалось ненастоящим, а вот эта рыдающая в истерике баба, этот униженный, затравленно опускающий разбитое лицо человек – они настоящие. И Медок, то задумчиво перебирающий плоскогубцы, то пробующий пальцем остроту топора – тоже настоящий. И его жестокая ухмылка, и мерзкий, полный превосходства голос:

– Даже Томбовский волк тебе не брат, не говоря уже за конкретных пацанов, понял? Понял?

Тот кивнул и Медок, схватив утюг, поднёс его к лицу му-

жика:

– Не слышу! Понял?

– Да, да! – заорал тот и сложился в поклоне лицом до земли.

Баба перестала выть, только в ужасе таращила глаза и прижимала к груди мою шубу.

– Даже не знаю, ублюдок, тратить ли на тебя время и сразу... – цыкнул зубом Медок и переключился на бабу. Присел перед ней на корточки, лизнув палец тронул подошву утюга, отдернул руку, схватился за мочку уха. – Ну что, лапуль? Не твой сегодня день, да? Придётся отработать за моральный ущерб, по прямому бабьему назначению, что скажешь?

Она активно закивала.

– Чё ты радуешься, дура? – грубо процедил сквозь зубы Медок и, схватив её за подбородок, пихнул назад. – У меня смена – двести пятьдесят четыре мужика. Осилишь? Угу... А вот и посмотрим... Пахóм! – вдруг крикнул он куда-то в темноту.

– Оу? – отозвался из-за моей спины Денис.

– Скажи мужикам, чтоб в перерыве сюда шли!

– Понял!

...В общем, они до такой степени запугали и без того едва живых от ужаса мошенников, что мне даже жалко их стало. А когда они, по приказу Медка приползли на коленях к моему стулу и, стуча лбом в землю, просили прощения – стало противно. От их униженного страха, от того, что я сама сижу,

как какая-то высокомерная тварь, и по указу Дениса делаю вид, что не принимаю их извинений. Что за развлечение он здесь устроил? Зачем это? Для кого, для меня что ли?! Чем тогда он и я лучше Коли Рыжего и Сергея, которые тоже пугали, что пустят меня по кругу? И не только меня, если что... Почему-то вспомнилась Ленка и её рассказ об изнасиловании: «Но почему ты не рассказала родителям? – А что толку, отец убил бы его и сел. – А матери? – Она бы раскудахталась, рассказала отцу. А тот убил бы его, и сел...» Ну да, крутой, сильный, всемогущий отец, способный достать обидчика из-под земли... И именно потому не знающий самых страшных тайн своей дочери.

Напоследок, нехило так врезав ещё пару – тройку раз мужику, Медок объяснил им, что возвратом сумочки и шубки дело не обойдётся. Напомнил кидалово с квартирой, велел вернуть деньги с процентами – полтора миллиона к завтрашнему вечеру. Потом мужика отпустили, а бабу оставили как гарант, что он вернётся. Это повергло меня в окончательный шок. Теперь мне даже не надо было напоминать, что бы сидела и не рыпалась. Я не могла встать.

Когда мошенников увели, а мужик со шрамом, ссыпав в тележку инвентарь Медка: все эти паяльники, плоскогубцы и утюг, повёз его к выходу, Денис присвистнул ему в след: – Жжёный, Макса ко мне! Только быстро!

И только Макс подошёл, как Денис сгрёб его за химо и швырнул на кирпичи.

– Я тебя откуда достал, помнишь?

Поднял и снова швырнул.

– Я тебе, сука, мало плачу?

А тот даже не сопротивлялся. Летал, как куль с говном, хотя сам-то, нехилый, такой, бугай.

– Ты, блядь, где был, когда ей пушкой угрожали?! С-с-сучара! – и врезал с разворотом в челюсть.

Я не выдержала:

– Денис, перестань, это я виновата! Это я уехала не предупредив!

Медок тут же цепко схватил меня за локоть и поволок к выходу. Когда вышли за дверь, остановился, развернул меня лицом к себе:

– Ты чё творишь?

– В смысле...

– Авторитет подрываешь, бестолочь! Не положено тебе встревать, ясно? Даже мне не положено! Потом – сколько хочешь, а на людях – никогда! Запомни! Ты что, думала, Дёня перед ним извинится, после того, как ты поорёшь? Нет? А зачем тогда? Макс просрал работу. Тебя чуть не просрал, а ведь задание было, проще некуда – поработать водилой. Как на него можно положиться теперь? Смекаешь? Кстати, у нас тут даже розеток нет, просто на понт эту шмару взяли, ты что думаешь, реально пытать их собирались? – рассмеялся.

– Да пошли вы все! – психанула я и быстрым шагом направилась к выходу.

Глава 9

Домой меня отвёз Виталий. А вот Денис так больше и не появился.

До утра я не сомкнула глаз, не понимая – вот блин, элементарно НЕ-ПО-НИ-МА-Я! – как мне теперь быть? Ехать завтра на учёбу или ждать его? Если ехать, то как, на автобусе или ждать какого-нибудь очередного водителя? Если ждать водителя, то он сразу приедет или сначала позвонит? Ну конечно ещё я думала и про Макса, и мне было ужасно стыдно перед ним. Вообще ведь ни в чём не виноват человек! И о заварушке с ограблением думала, и о том, как быстро нашлись грабители. Ах да, сначала Денис позвонил Медку и спросил про пахана какой-то банды. Нормально, чё: пожарная – ноль один, милиция – ноль два, скорая – ноль три, пахан бандитов – ...ну, тоже, в общем, есть куда позвонить. Так, словно это само собой разумеется.

А ещё, чем больше я думала о сладкой парочке мошенников, тем меньше у меня было к ним жалости, и тем больше я понимала Дениса. Эмоции утихли, и теперь детали ограбления вспоминались намного ярче: и что мужик этот стоял на остановке, вроде транспорт ждал, но когда я вышла из троллейбуса, сразу увязался следом, и что тётка та ничего в ларьке не покупала, просто стояла возле него, типа разглядывала витрину, а сама косилась на меня через плечо. И что

скользко там вообще ни разу не было, наоборот, засыпано песком так, что цветочки сажать можно. Как она беспокоилась, чтобы я не измазала шубу о грязное ограждение обочины. Как сухо щёлкнул отжатый предохранитель направленного на меня пистолета... И Денис, Господи, какой же он... Нереальный! Эти брови в кучу, этот строгий взгляд...

А как он решил вопрос? Без суеты, без лишних эмоций! Как обронил в трубку: «Милаху мою обидели»... Мою! Господи, он сказал – МОЮ! Остро, до прикушенной губы, до глухого стога, захотелось обнять его, почувствовать силу рук, запах кожи, его желание заботиться обо мне, доверие... Мама родная, доверие! Сжалась, уткнувшись лицом в его подушку, зажмурилась... «Ты хоть понимаешь, как сложно бывает вернуть доверие?..» – его слова. И он уже говорил их мне, уже был повод... А я опять. Ну где же он, Господи? Обиделся, наказывает, лишая меня себя? Или не наказывает, а просто не хочет видеть? Как всё сложно и непонятно... Кто бы мог подумать, что так всё обернётся? А всего-то – не захотела подвести Зойку, сходила на работу, блин... Всего-то – в очередной раз не послушалась. Но, блин, из лучших же побуждений!

Всё ещё затянутая в целлофан коробочка с парфюмом стояла теперь на полочке в изголовье кровати. Я смотрела на неё и, несмотря на жгучее желание, не решалась открыть. Снова и снова обнимала подушку Дениса и думала: «Господи, ну как можно его не любить? Как можно теперь жить без него?..»

И как Боярская могла предпочесть бизнес?»

Когда начало светать, сделала себе крепкий, такой, что челюсть сводило, чай, выпила его залпом и, несмотря на чугунную голову, стала собираться. На учёбу не на учёбу, ведь я всё ещё не была готова к встрече с Ленкой, а вот с матерью обязательно надо поговорить, пока кипишь не подняла.

До последнего ждала телефонного звонка – не от Дениса, так хоть от его людей. Уже обуваясь, поняла, вдруг, что вторая связка ключей теперь у меня, а первая в украденной сумочке. Растерянно выпрямилась и тут же подпрыгнула от неожиданного трезвона. Кинулась к глазку – Денис! Непослушными руками кое-как справилась с замком, с засовом... и, оробев, вдруг, попятилась вглубь коридора.

Денис вошёл – в руках мои шуба и сумочка, ногой прихлопнул за собой дверь. Не глядя на меня, скинул ботинки.

– Положи куда-нибудь. Попозже завезу в салон, обменяю на другую. Не примут, новую куплю.

Я растерянно взяла у него шубу.

– Зачем поменяешь?

– Ну... тебе ж теперь неприятно, наверное, будет в этой?

– Да прям! – я прижала её к груди, словно защищая. – Не надо другую!

Он дёрнул плечами:

– Дело хозяйское, – и пошёл в комнаты.

– Денис!

Не обернулся, не остановился, только приказал:

– Полотенце чистое дай!

Я думала, как и в тот раз, помочь ему принять душ, но он отказал. И теперь я стояла под дверью в ванную, и меня трясло. Что вот так, да? Игнор? А поговорить – не лучше? Или я исчерпала лимит его терпения? Или я сделала что-то, что «лечится» только выносом мозга? Вот, кстати! А это разве не вынос мозга? Чем это лучше моего поведения? Но я-то, простите, не сорокалетний мужик!

Как ни странно, эти размышления приводили меня в чувство, словно ставили вровень с Денисом, позволяли поднять голову. В чём я виновата-то? В том, что забыла про Макса? Ну так, это же не специально. Выслушать-то мои объяснения можно?!

Щёлкнул замок, и я поспешно сбежала в зал. Нефиг! Ещё я под дверью у него не стояла, ага!

Когда зашла в спальную, Денис, стоя перед зеркалом, пытался размотать перевязку на плече. Намочил-таки, дурень. Не говоря ни слова, взялась помочь. Дался. Затаив дыхание, сняла последний слой марли... Ну, не так уж и страшно. Шов, конечно, грубый, с признаками некроза, но в целом...

– А как ты обратно заматывать собираешься? Я не умею по правилам, сам знаешь. И аптечки у нас нет, даже пластыря. Может, сбежать?

– Не надо.

– Но...

– Разберусь!

Ладно. Беспрекословно собрала мокрые бинты, отнесла в мусор. Когда вернулась, Денис небрежно стаскивал с кровати покрывало.

– Денис, давай я, всё-таки, всё объясню? Я стараюсь, правда, неужели ты не видишь? Но для меня это дико – когда кто-то сидит целый день и ждёт, пока я дам указание ехать туда-то, сюда-то. Правда, мне хреново от этого! К тому же, я хотела сходить к матери, а сам понимаешь, ехать к ней с водителем... Ну, я пешком пошла, думала, дела поделаю, вернусь к Максy. А потом Боярской позвонила, а она... – помолчала, не понимая, как говорить о ней, чтобы снова не выглядеть ревнивой дурочкой, – ... а она сказала, что занята. И я просто...

Денис, даже не глянув на меня, вскинул руку:

– Так всё, отбой! – и завалившись в постель, повернулся ко мне спиной.

Хотелось швырнуть в него чем-нибудь или пнуть, или... Ла-а-адно... Хрен с тобой! Дуйся, сколько влезет! Батюшка-государюшка нашёлся, блин.

На эмоциях выскочила из подъезда, направилась было в сторону остановки, и не сразу поняла, что сигналият-то мне! Обернулась. Ну да, как же я прошла мимо вишнёвой мазды? Дождалась, пока Виталий аккуратненько подрулит, пока обойдёт машину, откроет мне дверь.

– Доброе утро, – он был на удивление свеж, словно не че-

тыре часа назад привёз меня домой, а накануне, около восьми вечера, и всю ночь сладко спал. – К техникуму?

– Ну-у... А давайте! Только у меня первая пара уже через полчаса начинается, успеем?

Виталий для верности глянул на свои часы:

– Нет, не успеем. Самое раннее – с опозданием в пятнадцать минут.

– Ну и ладно. – Тронулись. – А Максим где?

Виталий вежливо пожал плечами. Понятно. Тактичный, сдержанный и услужливый, как дворецкий. Такой в жизни не сболтнёт чего не надо и уж точно не пошатнёт хозяйский авторитет. А самое интересное – вот его-то мне почему-то не было стыдно эксплуатировать. Может, потому, что он явно кайфовал от своей работы?

Приехали даже раньше, с опозданием всего в девять минут. Экономя каждое мгновение, я попросила остановиться прямо перед входом. Виталий выполнил. Обошёл машину, открыл дверь.

– Где ждать?

– За углом, возле Сберкасы, парковка есть.

Он кивнул:

– Да, знаю. Буду там. Хорошего дня!

Когда забегала в технарь, меня окликнули. Ленка! Сердце замерло, щёки вспыхнули. Хорошо хоть время поджимало, можно было суетиться, прятать взгляд и отвечать невпопад.

На первой перемене она тащила меня «под тополь», но я

отказалась: а что, не курю, имею право не ходить! А вот на второй, большой перемене, фокус не прошёл. Ленка довольно быстро вернулась из курилки и потащила меня в столовку. Смотрела изучающе и помалкивала, жуя пирожок за пирожком. Наконец, не выдержала:

– Ему же минимум под шестьдесят? А говорила – сорок?

В первый момент я не поняла, а потом дошло, что речь о Виталии, и даже радостно стало:

– Ааа... Да! Я приврала немного, как-то неловко было, что совсем уж старый.

– Немного, ага! Да и машинка у него, прямо скажем, не молодая. Хотя аккуратненькая, конечно. И что? В чём прикол-то, Кобыркова? Могла бы и покозырнее кого-то найти. Блин, а расписывала-то как! Красавчик, авторитет... Чёт я даже не представляю, чтобы вот этот в сексе зажигал, или в ночном клубе тусил. Тоже набрехала, небось?

– Ну, так...

– М-да, Кобыркова. Тяжёлый случай. Но я хоть спокойна теперь за тебя. Хочешь, обижайся, хочешь, нет, но на крутяшка он у тебя ну совсем не тянет! Не понятно, правда, ты мне врёшь или он тебе... – Залпом допила компот. – Сами разгребайтесь, короче. Неприятно только, что за дуру меня держала. Не ожидала от тебя.

Я счастливо улыбалась и с готовностью поддакивала ей.

– Лен, ну... Извини! Правда, стыдно было. Даже сейчас как-то не по себе. И я, если честно, уже подумываю поменять

его на нового. Ну, не дуйся! Как у самой-то дела?

– Да, как обычно. Подумываю, вот, может переехать?

– В смысле... Куда?

– Ну, – она свернула из салфетки трубочку, завязала из трубочки узелочек, – в Подольск, например. Не в курсе, это правда, рядом с Москвой?

Я тут же вспомнила Медведя, опустила взгляд.

– Можно сказать, пригород. – Помолчала. – А с чего вдруг?

– Крёстный зовёт. Говорит, там можно будет на вышку поступить. С одной стороны – проще, чем в самой Москве, а с другой, ещё и возможность перевестись потом в столицу.

– Ну... Логично. А почему именно Подольск?

– Да потому что крёстный оттуда. Папанькин дружан ещё по службе. Классный мужик, между прочим!

Я невольно улыбнулась.

– Чем?

– Не поверишь – всем! Такой спокойный, основательный какой-то. Если прям честно, я бы предпочла, чтобы он был моим отцом. Его, знаешь, как сказать... Хочется слушаться. В отличие от моего истероида, блин – тому наоборот, охота всё назло делать, чтоб не умничал много. Он прикинь, даже не соизволил заявиться, когда крёстный приехал, а ведь они с самой юности дружат! Дядя Миша точно бы все дела оставил, если бы друг приехал. Тем более он так, одним днём заскочил. Стыдно даже как-то за отца.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. Твой... папа наверняка нормальный, просто у него работы много. А у крёстного тоже, поди, тараканов полно.

– Ну, тараканы не тараканы, а фотки сыночков он показывал... – хихикнула. – Прямо хоть из-за них только переезжай!

– Красавчики?

– Ну, не то чтобы прямо охрененные, но со средненьким я бы покуралесила.

Я сдержанно рассмеялась.

– И что? Это значит, что ты переезжаешь?

Ленка задумалась.

– Да сначала, вроде, загорелась, а потом думаю – ну а смысл? Ладно бы он мне одной предложил поехать, а то ведь с матерью. И что? Шило на мыло менять – была бы охота жопу мочить! Не. Мне отец ещё к окончанию школы обещал квартиру отдельную подарить, а когда я экзамены в институт завалила – психанул и, типа, передумал. Но я-то знаю, что хата всё равно за мной! Сейчас год нормально закончу, потом, слышала, на базе технаря хотят вышку сделать? Ну вот, тут-то точно пролезу, не сама, так через мать, и тогда-то папаня никуда не денется. Обещал – будь добр! Мне главное, чтобы отдельно от них жить, а где – в Подольске или в Мухоморанске... Похрену вообще! Всё равно когда-нибудь в Штаты эмигрирую. – Ленка мечтательно откинулась на стуле: – А прикинь, мы могли бы с тобой вместе в моей квартирке основаться! Двушка, евроремонт. Ты даже во сне такого ещё

не видела! Опять же, это почти центр и там есть куда сходить потусить, всё цивилизно! «Белокаменка», слыхала, может?

Я заторможено мотнула головой. Зашибись. Вот это сюрприз.

– Ну ты, блин, и деревня! – рассмеялась Ленка. – Это такой квартал элитный. Там все дома из белого кирпича и с какой-то особенной отделкой. Я, если честно, сама только издалека видела, но даже оттуда красиво! Надо, кстати, на разведку съездить. У тебя как со временем в четверг? Получится?

Я снова мотнула головой, и Ленка издевательски хрюкнула:

– Старпёрчик не разрешает? Ну-ну. Найдёшь помоложе – дай знать, затусим вместе!

Когда уходили из столовки, Ленка набрала целый пакет пирожков. Потом подумала и купила ещё и пачку сока. Я удивилась, но промолчала. Разговор наш был вроде бы ни о чём, но вымотал. Разбередил и без того беспокойную совесть. В сотни раз всё усложнил.

После учёбы хотела сбежать по-тихому, но от Ленки так просто не уйти! Пристала, как банный лист – пойдём, кое-куда, дельце провернуть надо. А я ведь и так чувствовала себя виноватой... Короче, не смогла отказать. Пошла.

Возле стадиона на Ленина был подземный пешеходный переход, а возле него всегда отирались толпы попрошаек. И далеко не все из них выглядели жалко, некоторые – вот

прям бандюки из страшного сна. Ленка остановилась чуть поодаль, спряталась за ларьками.

– Слушай, пройди сейчас туда, к подземке, ну, типа ищешь что-то в киосках, ага? Посмотри, среди этой бомжат-ни девочка должна быть, такая, лет семь, может восемь. Если она там, отдашь ей эти пирожки и сок. Только смотри, сначала подкорми попрошаек которые рядом, но им по одному достаточно, лишь бы не возникали, а девчонке – штуки три, не меньше, ага?

– Не поняла, Лен.

– Да чего не понятно? Покорми её. Только прям проследи, чтоб сама съела!

– Аа... Почему именно я?

– Потому, что я утром уже бутерами её кормила, думаешь просто так что ли опоздала? – Посмотрела на моё озадаченное лицо, фыркнула: – Ты иногда такая тупая, Люд! Толку-то от твоих пятёрок по алгебре, если элементарных вещей не понимаешь? Я сегодня уже засветилась перед её пастухом. Если буду и дальше светиться, девчонку переведут на другой участок, и хрен его знает, где её тогда искать! Она и так раньше в другом месте стояла, я чисто случайно снова на неё наткнулась.

– Пастух?

– Ой, короче... – отмахнулась Ленка. – Сделай, что прошу и всё! Денег только не давай, один хрен, отберут.

Девочка сидела на корточках, подстелив под ноги в ста-

рых, дырявых бурках картонку. У меня аж сердце замерло при виде её загнутого взгляда и, в то же время – требовательно вскинутой навстречу мне покрасневшей от мороза ручонке. И действительно ведь, лет семь. И торчит она здесь, судя по рассказу Ленки, с утра. Чувствуя на себе неотрывный, жадный взгляд ребёнка, раздала пирожки соседним попрошайкам. Наконец, как можно незаинтересованнее протянула угощение и ей. Присела рядом.

– Как тебя зовут?

Но она молча драла зубами пирожок и заглатывала его, практически не жуя, как собака. В какие-то полминуты расправившись с первым, осторожно опустила взгляд на пакет с остальными. Я дала. Она проглотила. Даже страшно становилось на это смотреть.

– Ты не замёрзла?

Молчание и жадный взгляд. Налила ей сока. Она выпила.

– Ещё хочешь?

Мотнула головой: «нет», а сама на последний пирожок смотрит. Я полезла в пакет, но девочка шарахнулась вдруг от меня и побежала с протянутой рукой за идущей мимо женщиной. Как побитый щенок, выпрашивающий ласки! Я встала с корточек и увидела летящую ко мне на всех парах Ленку. Она сходу подцепила меня под локоть и, не говоря ни слова, утащила аж за перекрёсток и только там уже наехала:

– Да, блин, Кобыркова, я тебе сказала – аккуратнее!

– Что не так? Я проследила, чтобы она их съела!

– Ага! А я тебя просила разговаривать с ней?

– Фф-ф-ф... – выдохнула я и поняла, вдруг, что сделала это совсем, как Денис. – Что я должна была, тупо стоять и смотреть?

– Нет, конечно! Но можно было сделать вид, что шарисься по киоскам и иногда проходить мимо, давать новый пирожок? Сложно догадаться, да?

– Слушай, Лен, ты не охренела? Никого сама себе не наминаешь? – сказала и тут же прикусила язык.

Она вскинула на меня злой взгляд.

– Чего-о-о?

– Да ничего. Наехала сходу, как... Как отец твой, Лен! Сама же сто раз говорила, как бесишься от этого!

Она опустила глаза, помолчала.

– Чтоб ты понимала – тебя пастух спалил. Ну, их смотрящий. Девчонка молодец, вовремя отчалила, а вот тебе могло бы и влететь.

Теперь и мой гонор слетел. Мы обе устали через дорогу, туда, где маленькая девочка зарабатывала деньги для больших дядей.

– Блин, если её теперь на новое место переведут...

Я с удивлением глянула на Ленку. Она была не на шутку расстроена и напомнила мне, почему-то, тот случай сдохлым птенцом из далёкого детства.

– И что делать?

Она пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Может, в милицию?

– Не знаю... – задумчиво ответила Ленка, пряча руки, как в муфту, в рукава пуховика.

А ведь у неё тоже была норковая шубка, только не серебристого, а красивого коньячного цвета. Я видела её в ней как-то, когда они вместе с матерью ещё прошлой зимой приходили к директору школы. Ну то есть, получается, она не таскает её в каждый свет? Разумно. Вот и мне – только и остаётся, что выгуливать свою шубу по квартире или когда с Денисом вместе. Или с водителем.

– Знаешь что, – воспряла вдруг Ленка, – а давай-ка ещё в одно местечко сходим!

– Лен, у меня время поджидает.

– Ой, перестань, Кобыркова! Куда твой дедок денется? Попсихует немножко – скорее копыта откинёт, станешь богатой вдовушкой. – Рассмеялась. – Да ладно, шучу! Ну пойдём, тут недалеко!

Оказалось и правда, совсем рядом. Возле центрального входа на стадион, вдоль обочины, всегда стояли таксисты-бомбилы, и Ленка быстро выцепила среди ряда машин небесно-голубую шестёрку.

– Ну ништяк, повезло, что на месте! Это Андрей, помнишь его? Ну тот, мент.

Я сбавила шаг. Вот уж кого мне не хотелось бы видеть.

– Он всего лишь конвоир, Лен.

– Да какая, хрен, разница? Всё равно знает в разы больше, чем любой гражданский. Как там, кстати, с твоими мошенниками? Не нашли ещё?

– Нет.

Она издевательски хихикнула:

– Ну ничего, у тебя же теперь богатый папик есть, да?

Ленка сидела на переднем сиденье, я на заднем. Андрей говорил, что уточнит. Блин, как знакомо-то, а! Семь бед, один ответ – я уточню. А с другой стороны – ну а что ещё он мог сказать, если две дурочки пришли не по адресу? Кстати сейчас, ловя его выразительные взгляды в мою сторону, я поняла, что всё-таки он узнал меня в тот раз, возле «Робин Гуда»

– Ну а если эта твоя инспекция по несовершеннолетним откликнется, куда девчонку денут? Ну, в интернат, в детский дом? – всё докапывалась с расспросами Ленка.

– Я уточню. Правда, Лен, не сталкивался этим никогда.

– Угу. Когда мне подойти к тебе?

– Да я сам позвоню.

– Не, не надо сам! Через пару денёчков, да?

– Ну, попробуй...

Ленка видела его взгляды в мою сторону. Поначалу не обращала внимания, но чем дальше, тем заметнее её распирало от любопытства. В конце концов, она даже лыбиться начала.

– Так, ребятки, я пойду сигареток прикуплю... Люд, по-

сидишь пока, да?

– Лен, мне тоже идти надо.

– Ну подожди меня, я ж на минутку... – и выходя, даже подмигнула. Зараза.

Сначала мы неловко молчали, потом Андрей вдруг про-
сиял:

– А у меня сын неделю назад родился!

– Ого! Поздравляю! – я действительно обрадовалась за него. – Всё нормально?

Он, захлёбываясь, рассказал все подробности, похвастал тем, что сын похож на него, даже рост целых пятьдесят семь сантиметров! А потом, мигом посерьёзнев, замолчал, вдруг, разглядывая моё лицо.

– Я ведь тебе не просто так записку оставил, Люд. Почему ты не перезвонила?

– Какую записку?

Он удивлённо вскинул брови.

– Ну... домой к тебе заходил, матери передал.

– А, так я не была ещё дома. А что там? В смысле, чего ты хотел-то? Неужели мошенников поймали? – глупо, конечно, но что ещё я могла спросить?

– Нет, с мошенниками всё глухо... – Погрыз губу, глядя на меня чистыми, небесно голубыми глазами. – Люд, ты зря в это ввязываешься. Правда! Нет, пойми правильно, дело даже не в том, что он отец Елены, а просто...

Я сразу напряглась. Не испугалась, а, как это говорится, –

захлопнула забра́ло. Не надо меня отговаривать, дорогие товарищи! Увещевать, тыкать разницей в возрасте и взывать к совести. Сама разберусь, ага? А вы следите лучше за собой!

– ...Это, конечно, не моё дело, но Денис Игоревич вращается в сложных кругах. И были случаи, когда он втягивал людей из своего окружения в криминал. Я тебе почти как свидетель говорю, и...

– Андрей, – перебила я его, – это и правда не твоё дело! И давай закроем тему, ладно? И ещё – мы можем договориться, что больше никаких записочек, никаких визитов? Мне и мошенники-то те уже не актуальны, серьёзно! Забудь. Только без обид, да? Давай, как бы сделаем вид, что не знакомы, ага? И тебя совесть не будет мучать, и мне спокойнее будет. Только, я прошу, на счёт Ленки...

Он кивнул.

– Да само собой, я ж понимаю. Но вообще – как тебя угораздило-то? И... Зачем? Ради денег что ли?

– Андрей! – Прикрикнула я на него, а потом замолчала, подбирая слова. Но так и не придумала ничего нового. – Не твоё дело, понял? Всё, пока! Спасибо за всё, и ещё раз – с рождением сына!

Вылезла из машины и пошла навстречу Ленке. И надо было видеть её ехидную рожу! Она остановилась и, с трудом пряча дебилскую ухмылку, закурила.

– М-мда, Кобыркова... А ты решила удивлять и удивлять меня сегодня, да? И давно вы с ним *это*?

– Лен, ты нормальная? У нас с ним ничего нет и быть не может! У него, кстати, сын родился неделю назад!

– Да ты что? Вот тоже прикольно – ты об этом знаешь, а я нет. Это о чём говорит?

– Лен, хватит! Не веришь – не надо, но шуточки свои при себе оставь, ясно? – психанула я и ускорила, оказавшись немного впереди неё, но вдруг встала, как вкопанная и суетливо завозилась поправляя сумочку... А когда Ленка поравнялась со мной, вцепилась в её локоть и быстрым шагом поволокла прочь.

Около ближайшей к нам машины стоял Макс. Смотрел на меня в упор и курил.

Тут же, словно плотину прорвало: все неурядицы с Денисом, вина перед Максимом, осознание, кто такая Ленка, кто такая я... А ещё – меня ведь ждёт Виталий! А ещё – надо обязательно заехать к маме. А ещё – хрен его знает, как, с каким лицом возвращаться домой... Ну в смысле в эту, как её там, Белокаменную элитку. Что говорить? Будет ли меня кто слушать или просто хлебну новую порцию обидок? Стоп! Макс?! Оглянулась. Максим остался уже на четыре машины позади, но по-прежнему смотрел на меня. Зашибись... Нет, ну с одной стороны – чертовски приятно, конечно. Значит, несмотря на игнор, Денис думает обо мне, пусть даже в своей дурацкой командирской манере, приставляя слезку. А с другой... Какого хрена?! Это что, тотальный контроль? А я на это подписывалась, вообще?!

Даже не помню, о чём в это время распиналась Ленка, просто оборвала её словесный понос коротким жестом:

– Так, отбой! Мне пора.

Та встала, как вкопанная. Посмотрела на меня – глаза по пятаку, и вдруг заржала:

– Кобыркова, я сейчас чуть не обоссалась от страха, блин! Ты больше так не говори, ладно? Как папаша мой, честное слово! Прямо на хер тебя послать захотелось!

Глава 10

Мамка оказалась дома. Встретила меня так, словно я как обычно ушла утром на учёбу и вот, собственно, вернулась обратно. С одной стороны – замечательно! Вот чего бы я не хотела, так это плясок с бубном вокруг себя. Да и нотаций, если честно, мне и без того сейчас хватало. Но с другой стороны – всё равно как-то неприятно зацепило. Быстро она меня... вычеркнула.

В комнате было относительно чистенько. На письменном столе лежала новая подборка божественных журнальчиков.

Поговорили про бабушку – она прислала малинового варенья и сухофруктов. Толик сегодня с утра ходил, встречал автобус с передачкой. Здоровье её – терпимо. Про то, что я живу отдельно не знает. Про то, что мать живёт с Толиком – тоже. Ну что ещё... Всё как обычно. Ах, да! Записка! Мать вытащила из кармана бумажку, в которой Андрей просил срочно перезвонить ему по очень важному делу. Надо же, прибежал на следующий же день после случайной встречи возле «Робин Гуда». Видать, в шоке был. Не ожидал от меня такого. Эх, Андрей, Андрей... Думаешь, я ожидала?

Я сунула записку в карман и вдруг, по наитию, дала мамке денег. Не много, около ста тысяч, но она растрогалась. И неожиданно, вдруг, начала-таки расспрашивать где я вообще, как я, с кем, чем занимаюсь... Ну а я что – соврала про

работу в центре, про съёмную на пару с коллегой комнату. А, ну ясное дело, про то, что по специальности устроилась. Помощник маркетолога, угу. Да, мам, поначалу всегда тяжело, но прорвёмся...

Зачем врала-то, спрашивается? А вот это уже интересно. Банально, но неожиданно – чтобы погасить в её глазах потаённую тревогу. Я сумела-таки её заметить, а мать не сумела-таки утаить. Мне за эту её тревогу было неловко, почти так же, как за обиду Дениса. Мамина тревога была мне так же непривычна и так же сковывала неясными ещё обязательствами. А я не хотела обязательств. Они казались мне, как и личный водитель, – цепью к ноге. Вот только мамина тревога вызывала свербение в носу и желание заботиться, а Денисовы обидки – чувство вины и отторжение. Как там Ленка сказала: «охота всё назло делать, чтоб не умничал много»? Ну нет, не так всё запущенно, конечно, но в целом... Да.

Вернулась «домой» в белокаменку в начале шестого. Смотрела на всё по-новому: и снаружи дом красивый, конечно, и квартира шикарная. И теперь уже понятно, что смутило меня поначалу – довольно «женский» интерьер, необжитость, новая, нетронутая посуда, пустые шкафы... Как я вообще могла подумать, что Денис поведёт меня в свою берлогу? Кто я такая? А кстати... Где она, его берлога-то? Где он живёт, когда «уезжает в командировки»? Явно не здесь. А я, конечно, сука, что тут и говорить. И если Ленка узнает...

Дениса дома не было, но на кухне, в мойке, стояла немытая посуда. Он ел мой борщ!

Разулыбалась, как дурочка. Вот, спрашивается, много ли для счастья надо, да? Просто почувствовать себя нужной. Особенно после того дурацкого инора. Это же... практически капитуляция! И, главное, как красиво, мужественно – без лишних слов, вот так, языком борща. Блин, какой же он всё-таки классный!

Теперь уже и я, не задумываясь, схватила коробочку с парфюмом, сорвала с неё целлофан. Брызнулась. Ладно уж. Прощаю.

Денис приехал в начале девятого и с порога унюхал свой подарок. Я заметила его довольную усмешку – мужской вариант женского счастья от грязной тарелки... А потом поняла, что он пьян. Не успела даже сообразить, как реагировать, как он беспардонно сгрёб меня в охапку и зажал в углу возле вешалки. Мы целовались, как сумасшедшие – боролись языками, кусали друг другу губы, иногда даже стучались зубами, и я уже таяла от счастья... Как он вдруг довольно жёстко отстранил меня и, порывшись во внутреннем кармане куртки, вытащил деньги. Сунул их мне в руки. Они рассыпались, опадая на пол, словно осенние листья, а Денис, покачиваясь, всё доставал и доставал.

– И заметь, – развёл руками, когда доставать больше было нечего, – расписки мне твоей не надо!

– Это что вообще?!

Но зазвонил телефон, Денис взял трубку, помолчал, кивнул:

– Да, Виталь, на сегодня всё. Угу. Спасибо. Аа-а-а... ну завтра как обычно, да-а-а... – пьяно мотнул головой: – Угу. Да, и тебе доброй ночи!

Положил трубку, глянул на меня с усмешкой:

– Ну а чего ж ты сегодня-то в свой Олимп не поехала? Зассала? А-а-а... – погрозил мне пальцем, – значит, мозги-то у тебя есть. Только мало.

Я не могла, вот просто не в состоянии была злиться на него! Пьяный, он был смешной, и даже милый. Непосредственный какой-то, как ребёнок.

В комнате он сразу плюхнулся на диван, долго придиричиво разглядывал пульт от телека, даже, кажется, ругался с ним... А потом отшвырнул его в сторону и поднял взгляд на меня:

– Ну чего стоишь? Корми мужа!

Я чуть деньги не рассыпала... Кровь тут же ударила в голову, дыхание сбилось. Мужа? Бросилась на кухню, свалила купюры на стол. Застыла. Мужа?! Нет, оно-то понятно, что пьяный трёп, но блин...

– Мила-а-ах!

Выглянула из арки. Он поманил меня пальцем, я подошла, присела рядом.

– Бабки посчитала?

– Нет ещё.

Рассмеялся.

– Во! А ещё туда же – ногами махать... Экономист, едрить твою налево! – Презрительно фыркнул. – Деньги, если хочешь знать, любят счёт! – и вальяжно раскинул руки по спинке дивана.

Я аж зашипела, представив, как снова расходитесь шов... Удивительно, но он тут же понял мою реакцию, мотнул головой:

– Да, херня. Сегодня был на перевязке, Айболит сказал, зарастает, как на собаке.

– Но это же не значит, что надо специально рвать!

– Ну... – подумал, согласно кивнул, – точно. Не надо специально! – опустил руку. – Бабыслы, короче, все тебе. С процентами. Ток посчитай.

– В смысле... – и вдруг дошло. Стало как-то не по себе, при воспоминании о способе их... взыскания.

Денис и тут отлично меня понял:

– Слуш, только давай без этого, а? Пожалей их ещё, ага! Расскажи мне, как не надо было делать, а то я ж сам нихрена не понимаю в этом, ага... – Помолчал. – Они тебя дважды отымели – неужели тебе не захотелось выебать их в обратку? Пфф... Не верю!

Я не нашлась что ответить, и он, побуравив меня взглядом, невесело усмехнулся:

– Но они-то – хер с ними, а вот что мне с тобой делать, м?

– В смысле?

– В смысле... В прямом! Вот это, вчера, это что вообще было? За дурака меня держишь?!

– В смы... Почему?

– Хороший вопрос! И очень хотелось бы, знаешь ли, услышать внятный ответ, м?

– Ну...

Я искренне не понимала, чего он хочет, поэтому в очередной раз завела шарманку про то, как неловко заставлять водителя ждать меня по полдня, про то, как решила сбегать к матери, про то, как забыла про Макса... В общем, всё тоже самое, что уже говорила. В этот раз он не перебивал, но и интереса особого не проявлял, а иногда мне и вовсе казалось, что засыпает... Но как только я дошла до Бородина, так кстати оказавшегося на месте преступления – моментально оживился. Поджал губы, глядя в пространство куда-то чуть правее меня, сосредоточенно слушал и хмурился.

– ...Вот и всё! Ну не специально это, понимаешь? – наконец выдохнула я.

Он широко развёл руками:

– А-а-ахренеть у тебя всё! Да ты реально дурака из меня делаешь!

Я растерялась:

– Но почему-у-у?

– Почему?! Для блядь, вот эти ваши шпионские страсти... Этот, на хуй, детский сад... Ничего не напоминает?

– Да какие страсти?!

Он подался вперёд, сощурился:

– Ты реально думаешь, что я не заметил твои сигнальчики в окошко? М? А я тебе больше скажу – я даже видел, как вы с этим Бородиным в машине сидели, и как ты окна квартиры ему показывала... – Замолчал, играя скулами, потом сгрёб голову в ладони, зарычал: – С-с-сука-а-а... Давно меня так не удельывали! Как пацана какого-то... блядь!

И только тут до меня дошло.

– Денис, да я даже не думала!

– Не думала? Ну-ну... – поднял голову. – А мне кажется, скорее наоборот – думала. Думала, что я не видел. – Встал и, неожиданно твёрдо, словно злость победила хмель, зашагал по комнате. – Думала, что прокатит, да?

– Ну ладно, ладно! Я просто боялась, что ты разозлишься. А Петька, между прочим, сразу предложил подняться со мной и объяснить тебе всё!

Он остановился.

– Ну, ваще-то разумно! Только почему же не поднялся-то?

– Я не дала.

Он рассмеялся и, зацепив за руку, заставил меня встать. Притянул к себе.

– Короче, слушай сюда: ещё хоть раз что-то подобное... – замолчал, заторможено поднял руку, сунул мне под нос фалангу указательного пальца: – Вот хоть на столечко, поняла? И я за себя не отвечаю! Вот как хочешь, Милах, но это будет

считаться блядством.

Я обмерла.

– Да ты что, Денис! Ты что? – прижалась к нему, слушая, как стучит любимое сердце. – Никогда! Слышишь, никогда!

Он смял меня в объятиях, набрал воздуха, чтобы что-то сказать... но промолчал. Возможно, за него говорили его руки, его губы, трепетная сильная нежность? Возможно. Но я, если честно, предпочла бы хоть разочек услышать это словами.

Глава 11

Я страшно переживала по поводу Зойки, но, понятное дело, больше в Олимп не поехала. Денис сказал, что всё обсудил, обо всём договорился. На следующей неделе обещал отвезти в «контору», познакомить с бухгалтерами. Я смирилась. Правда тот факт, что слилась как-то по-тихому изводил. Пыталась – правда пыталась! – позвонить в Олимп, чтобы хоть спасибо Зойке сказать, извиниться... но не смогла. А тут ещё Ленка с её идеей фикс на счёт съездить на разведку к Белокаменке... Тоже – минус тысячу процентов от спокойствия моей совести. Отвлекать её удавалось только разговорами о той девочке-попрошайке.

В среду и четверг мы снова ходили туда, к стадиону. Первый раз выцепили среди прохожих какого-то пацана и за баночку колы подпрягли его передать девочке беляш. Другой раз передали ей сникерс. Я спрашивала Ленку – ну а теперь-то что? Она отмалчивалась. И чем дальше, тем больше я переставала её узнавать. Она, оказалось, звонила уже и в милицию, и в инспекцию по делам несовершеннолетних. Ей сказали, что без заявления о происшествии с участием ребёнка они не могут его забрать. Андрей на связь с Ленкой не выходил, отчего она и психовала, и расстраивалась ещё больше.

– Лен, ну сама подумай, сколько их, этих попрошаек! –

говорила я ей. – И сколько среди них детей? Ты же не приютишь их всех и не накормишь, правильно? И в обход ментов ничего не сделаешь. А они живут же как-то, всё-таки где-то ночуют, чем-то питаются. Мне тоже её жалко, но... Не знаю. Может, это судьба у неё такая? И не факт ещё, что потом не подфартит.

– Потом? Это когда её на панель отправят? Ну да, недолго осталось, чего уж там... Пару тройку годиков, и созрела. Если доживёт, конечно.

– Ну почему сразу на панель?

Ленка смотрела на меня как на дуру и даже не пыталась отвечать.

Меня тоже тревожил этот вопрос – жалко же девочку. Но, если честно, то и видеть неожиданную перемену в Ленке было тревожно. Она словно повзрослела вдруг сразу лет на пять, а то и десять. С одной стороны – хорошо, а с другой – странно как-то.

В пятницу вечером я даже заговорила об этом с Денисом. Он выслушал, перебирая мои волосы, помолчал, что-то обдумывая. Выключил телек.

– Чёт тебя, Милаха, опять не туда несёт. Попрошайки это, чтоб ты понимала, мафия. Крепкая, организованная, и просто так оттуда никого не выдернешь. Был у нас в городе авторитет, чеченец, Маратом звали – вот он их держал. Матёрый, такой, крепкий. Но в начале этой зимы его грохнули и, поговаривают, паханом встал некто настолько большой, что

отсюда не видеть.

– Это как?

– Неместный, значит, но очень влиятельный. Я-то так особо не вдаюсь в подробности, и стараюсь с этой темой не пересекаться, но благодаря некоторым бестолочам, пришлось немножко... – выразительно глянул на меня.

Я прижухла. Зашибись. Откуда же я могла знать, что всё так серьёзно?

– Так вот, сейчас у них что-то вроде передела происходит, хотя нет... скорее – реорганизация. Мошенниками один заведует, попрошайками – другой, проститутками – третий, вымогателями – четвёртый. Бог его знает, зачем такие сложности, но факт в том, что крыша одна.

Я уже просто охреневала. Привычный мир разваливался.

– То есть это всё...

– Угу. Одна контора. И если ты думаешь, что мне твоих хороших знакомых тогда просто так выдали, то ты сильно ошибаешься. Просто так вообще ничего не делается, ясно? У всего есть своя цена.

– И... чем ты расплатился?

– А вот это тебя точно не касается! Тебя касается только одно – делать что говорят. Слушать внимательно и думать головой, а не задницей. Угу? А заднице твоей я, если что, могу и получше применение найти, – потянулся рукой под халат, но мне было не до этого.

– Подожди! – удержала его ладонь, слегка отодвинулась. –

И что, вот если эта девчонка сейчас в их банде, то всё, ничего уже не сделать?

– Ну... – он пожал плечами. – А толку? Сегодня одна, завтра другая. Кроме того, ну заберут её менты, отправят в детский дом. Думаешь, там лучше?

– Да уж наверняка!

– Ну да! Почему же они тогда бегут оттуда, предпочитая быть попрошайками?

– Серьёзно?

Он невесело усмехнулся:

– Детские дома – это кузница кадров для панели, и они всего лишь официальное звено той же самой мафии. Как и инспекции по делам несовершеннолетних, и детские колонии. Причём, перетирают одинаково и девчонок, и пацанов – извращенцев-то на всех хватает. И если до пяти лет есть какой-то шанс, что усыновят, то после... – скептически причмокнул, – если только чудо.

– Ты так спокойно об этом говоришь...

– Трезво, Люд. Что можно сделать, если гниль ползёт сверху? Только отрубить бошку. А как это сделать, если ты всего лишь мозоль на мизинце ноги? – Посмотрел на меня, развёл руками. – А всё остальное: жалобы в администрацию, вызовы ментов, привлечение прессы – это война с ветряными мельницами. Читала Дон Кихота, надеюсь?

– Естественно... Подожди, какой, нафиг, Дон Кихот?! Ты что, хочешь сказать, что вообще всё бесполезно? Зашибись.

И как жить?

– По совести.

– Ага... А как по совести, если она говорит, что пока эта девчонка там, на улице – я сволочь? Потому что вообще, ну вообще ничего не делаю! Даже не пытаюсь!

– И я надеюсь, что и не попытаешься, да? – голос его стал угрожающе строг. – Я сейчас серьёзно! Не ввязывайся! Узнаю, выпорю нахрен, поняла?

Он не шутил и не запугивал. Говорил, как есть, и от этого становилось жутко. И не только за себя. Сказать или нет про Ленку? Хрен его знает...

– Ну ладно, – пытаюсь сгладить момент, он сгрёб меня в охапку. – Не выпорю, конечно, но и думать в течение дня о том, что ты снова можешь куда-нибудь влезть, у меня нет возможности, это ясно? Поэтому давай-ка, сделай так, чтобы у меня не было повода беспокоиться за тебя. Тебе ж наверняка не понравится, если кроме водителя я навяжу тебе ещё и охрану?

Я победно усмехнулась:

– Угу... Макса, например, да? Что, думал, не замечу?

– Чего-о-о? – он отстранил меня, и лицо у него было охреневшее. – Ну-ка, поподробнее!

– А что, нет?

– Рассказывай!

Похоже, лоханулась.

– Ну не знаю. Просто видела его как-то среди таксистов...

– А вот теперь стоп! Что ты делала среди таксистов?

– Да мимо шла, Денис! Ну правда, ты меня прям со всех сторон обложил! С Ленкой прошлись после учёбы, что нельзя? Я, знаешь ли, тоже не могу сейчас ни с того ни с сего перестать с ней дружить. Мне и так фигово, такое чувство, что я её предаю, блин...

– Ты это, херни-то себе не надумывай! Предаёт она...

– Херни? Трахаться с отцом подруги, это, по-твоему, херня? Не говоря уже о том, что квартиру эту ты ей обещал! Ну? И, думаешь, каково мне тут жить?

Денис резко сменил позу – подался вперёд, упершись локтями в колени. Посидел, глядя в пол, покачивая головой. Нервно выдохнул сквозь поджатые губы:

– Фф-ф-ф... А говорила, тесно не общаетесь.

– По-всякому бывает!

Помолчали.

– Ладно, проехали. Так что там с Максом?

– Ну, просто я увидела его среди таксистов и решила, что ты послал его за мной следить. А разве нет?

– Нет. Он вообще ко мне теперь отношения не имеет.

– В смысле?

– Ушёл.

– Как это?

– Ногами. Или ты думаешь, я рабовладелец? Нет. Максим толковый парень, как раз из тех, кого гнули, да не сломали. После восьмого класса выпустился из интерната, поступил

в училище. А жить пришлось с запойными родителями, лишёнными родительских прав. А они не больно-то его ждали. Ну, втираясь к ним в доверие, он тоже начал бухать, подворывать. За каким-то хером залез как-то ко мне на кирпичку, я тогда как раз только-только в права собственника вступил. Поймал его лично, люлей слегонца навешал. Потом покормил, поговорили... Ну, дал ему угол в каптёрке, грузчиком у себя же устроил. А как дорос, по старым связям протекцию в ВДВ сделал. А уж когда он вернулся, стал ближе к себе подтягивать. Но при всём при этом, Макс мне не раб. Захотел – ушёл.

Услышанное было настолько неожиданным, что я растерялась. Глянула на Дениса и словно увидела его впервые, даже мысли разбежались.

– Но тогда тем более странно, что ушёл...

– Ой, и не говори! Я-то всего лишь настаивал, чтобы он одну бестолочь возил, а он не захотел из-за этой бестолочи вечно виноватым быть. Очень странно!

– То есть, я виновата, что ли?

– Да нет, конечно, виноваты я и Макс. Ты-то тут причём? Язвил и в принципе, имел право.

– Но теперь-то у меня Виталя! Значит, верни Макса обратно!

– Угу, прям сейчас побегу и в ноги ему упаду. Ты знаешь что, делай, что говорят, и не лезь, куда не просят, а уж я без советов твоих как-нибудь справлюсь, ага? Скажи лучше, к

завтрашнему тебе что-нибудь надо?

– В смысле?

– Завтра у Зойки юбилей, она у себя в «Короне» пьянку закатывает. Компания не простая, сразу говорю. Ты должна выглядеть статусно.

Блин, точно! Суббота, десятое февраля. Открытие Олимпиа, которое она подгадывала под свой день рождения...

– Ну... Не знаю, Денис. Я как-то... Я не могу! Мне неловко перед ней.

– Ты опять про клуб? А может, хватит? Всё уже обсудили сто раз и с тобой и с Зойкой. В понедельник уже в бухгалтерии сидеть будешь.

– Ну не знаю...

– Я, зато, знаю! Так что заканчивай бестолковый базар и ещё раз – что тебе нужно? Шмотки, косметика? Парикмахер?

– Опять через Боярскую?

– А что-то не так? По-моему очень удобно.

– Ну вообще – нет.

– Да! И это мы с тобой тоже уже обсуждали. И раз уж ты сама не делаешь попыток с ней сблизиться, мне придётся делать это за тебя. Так что, давай, иди, позвони ей и договорись на завтра.

От сопротивления аж в животе скрутило.

– Сейчас что ли? Поздно уже!

– Всего лишь девять. Сто процентов не спит ещё, если во-

обще дома.

– Я не знаю её домашний номер!

– Люд... Не испытывай моё терпение, ага?

Цифры легли в память, словно выжженные калёным железом – сразу, плотно. И даже, пожалуй, болезненно. Ну не хотела я ей звонить! Как и просить о чём-то, и куда-то с ней завтра ехать...

Но, конечно, я позвонила. Конечно, разговаривала смиренно, просяще, словно не она отшила меня тогда, в понедельник. Одним словом – изо всех сил тешила её самолюбие. Стоит ли удивляться, что даже полчаса спустя игривые домогательства Дениса, и спонтанный секс прямо на кухне, не вызвали во мне отклика? Нет, стонала и кричала я, конечно, исправно, но блин...

Позже, когда он вышел покурить на балкон, я попыталась дозвониться до Ленки. После разговора с Денисом было очень за неё тревожно. Твою мать, Машкова, умеешь же ты находить приключения на свою задницу!

Не знаю, чтобы я ей сказала, как бы объясняла и объясняла ли вообще. Скорее, брякнула бы что-то устрашающее про мафию попрошаек, и под страхом смерти заклала бы её не подходить к той девчонке. Она бы послала меня на хер, а я пообещала бы, что в понедельник расскажу кое-что ужасное... Даже не знаю, как я собиралась уложить всё это в пять минут... но и не пришлось – трубку взяла её мамаша, и я резко дала отбой. А потом и Денис вернулся с балкона.

Вот такая фигня, Денис Игоревич! А вы говорите – шпионские страсти, детский сад... А мне хоть разорвись между вами всеми!

Глава 12

«Корона» – ультра-модный ночной клуб под самой крышей двадцатиэтажного бизнес центра. Вывеску, сверкающую огнями шапку Мономаха, в ночное время можно было разглядеть едва ли не с окраин. Хотя, шутка, конечно, какая там, нафиг, окраина. Но всё-таки, двадцатиэтажки в городе были наперечёт, и эта, пожалуй, самая популярная. Каков же был мой шок, когда до меня дошло, наконец, что «Корона» тоже принадлежит Зойке! А ещё, эта её «контора» в которой мне вот уже со следующего понедельника предстояло прозябать под приглядом главбуха, располагалась в этом же бизнес центре этажом ниже ночного клуба. Ну... Расклад сразу стал выглядеть иначе, чего уж там! И в принципе, почему бы и не постажироваться в таком крутом местечке?

Я чувствовала себя богиней. Очень стесняющейся, такой, богиней, готовой провалиться под тяжестью любопытных взглядов. Заинтересованных взглядов, украдкой изучающих взглядов – в зависимости от того, кому они принадлежали: мужчинам или женщинам. Нет, ну правда, девчата из салона красоты снова потрудились на славу! Света со своим Ланкомом в этот раз позволила мне быть дерзкой – с чёткими скулами, кошачьими глазами и алой помадой. Марина же соорудила шикарный начёс от висков и, гладко подняв волосы на макушке и затылке, свободно спустила нарочито взлохма-

ченную бунтарскую гриву на спину. Какая там Алфёрова – Мадонна, не меньше! Правда острого лифчика и колготок в сеточку у меня не было, но то красное платье-мини с глубоким декольте, что мы с Боярской купили в ЦУМе, смотрелось просто охрененно. А ещё, Денис разрешил мне надеть чулки с кружевными резинками. Зима, да, но вот оно, преимущество езды с водителем!

Перед выходом из дома я долго вертелась у зеркала: замшевые ботфорты на плоской подошве, или лаковые шпильки с бантиками на пяточках? В сапогах я выглядела дерзко, агрессивно сексуально. В туфлях – стильно и, как и велел Денис – статусно. И снова преимущество от езды с водителем: несмотря на зиму, я поехала прямо в туфлях.

Зойка была феерична! Неизменный чёрный, но как он раскрывал её натуру! Шумную, вездесущую и привычно несдержанную! Поначалу я боялась смотреть ей в глаза, но она, так запросто обняв меня и троекратно приложившись щекой к щеке, отпустила в мой адрес такой цепкий, меткий комплимент, что я расслабилась. И правда, всё в порядке!

Денис сразу попал в компанию каких-то мужиков, среди которых особенно выделялся один хохотун лет шестидесяти. Такой же, как Зойка – шумный, несдержанный, правда, в отличие от её корсетно-гипюрового безумия, одет был в серую деловую классику.

Как только Денис отошёл, я потерялась в толпе. Столько людей, и все такие... непростые. И все друг с другом обща-

ются, на ходу потягивая выпивку. А я сама по себе. Даже к столику за фужером подойти стеснялась.

А потом заявила Боярская. Я не ожидала этого настолько, что даже скривилась от досады. Ведь она, пока мы были в салоне, ни словом не обмолвилась, что тоже приглашена! И Денис ничего не сказал!

Выглядела Ольга подчёркнуто по-деловому, выгодно контрастируя со всеми, в том числе и со мной. Полупрозрачная блуза из белого шёлка, узкая юбка до колен, с высоким разрезом по левому бедру, строгая «улитка» на затылке, красиво стоящая чёлка. Изящные длинные серьги.

Её знали. С ней здоровались, радостно помахивая издали ручкой. К ней подходили, прерывая давно начатые беседы с другими гостями. С ней чокались, к ней подбегали официанты, предлагая обновить бокал. Зойка, облобызав её так же горячо, как и меня, ещё долго что-то активно говорила, держа её за руку. Тот шумный, смешливый мужик, увидев её, крикнул на весь большущий зал:

– Пани Боярская! – и покачал пузатым бокалом в поднятой руке. – Альбер де Монтобер сорок шестого года, специально для тебя, как обещал!

Она тут же поспешила к нему. Чинно расцеловались в щёчки. По его короткому жесту Ольге подали другой бокал с другим, по всей видимости, коньяком. Чокнулись, выпили...

– Самая красивая девушка на этом празднике жизни, и самая одинокая. Непорядок!

Я обернулась. Ему было под шестьдесят, пожалуй. Не славянин, это точно. Возможно татарин – глаза слегка раскосые, но сам не чернявый, скорее рыжеватый. Элегантный. Смотрел в лицо прямо, внимательно, словно изучал что-то в моей реакции на него. А реакция была просто шедевральной – я залилась краской в тон платью и зачем-то поднялась с диванчика. Тут же забегала глазами по залу, отыскивая Дениса, но куда там!

Мужчина протянул руку:

– Каримов Рахмат Рифатович. Но для вас – просто Рахмат.

И мне не осталось ничего, кроме как тоже протянуть ему руку.

– Люда.

– Мм-м! – восхитился он. – Людмила – значит Милая Людям! Тот случай, когда имя говорит за себя! Позвольте? – подставил локоть, и мне снова не осталось ничего, кроме как позволить. В неловком молчании мы неспешно подошли к фуршетному столику.

– А ваше имя что значит? – такая глупая, почти детская попытка поддержать беседу.

Но мужчина ответил с заинтересованной готовностью:

– Рахмат – значит милосердие. Так звали моего деда и деда его деда. И когда у меня появится внук, его туже будут звать Рахмат. Такая в нашем роду традиция.

– Здрóрово...

– Может, шампанского? – и он, не давая опомниться, сунул мне в руку фужер. – За знакомство, Людмила!

Чокнулись. Рахмат смотрел на меня всё так же неотрывно, и уже, даже, я бы сказала, нагло.

– А я ведь довольно долго наблюдаю за вами, Милая Людям. Каюсь, не заметил, когда вы пришли, но потом – просто не смог отвести глаз! Богиня, клянусь Аллахом!

Приятно? Нет. Навязчиво до неловкости. Я всё так же бросала вороватые взгляды по сторонам, но Дениса не видела.

– Позвольте узнать, вы здесь одна или со спутником?

– Да! – наверное, слишком поспешно ответила я, выдавая свою нервозность. Смутилась. – В смысле, конечно со спутником.

– И? – спросил он, удивлённо оглянувшись. – Кто счастливец?

И что отвечать? И можно ли отвечать? И вообще – можно ли с кем-то разговаривать, выпивать? Как это скажется на эмм... авторитете Дениса? На всякий случай я так и не притронулась к шампанскому, просто крутила тонкую ножку фужера в пальцах и рассматривала, как вверх по стеночкам ползут ленивые пузырьки. Кажется, Рахмат Рифатович, истолковал это по-своему. Улыбнулся, положил руку мне на запястье:

– Не грустите. Я буду счастлив, если вы позволите мне ухаживать за вами сегодня...

– Рахмат... Рифатович, здравствуйте! – Отчество было произнесено с таким демонстративным нажимом, что прозвучало скорее как фамильярный стёб. – Я даже не сомневалась, что найду вас рядом с самым ценным экспонатом этой выставки!

– Экспонат? Скорее – произведение искусства! – он вежливо рассмеялся и убрал руку с моего запястья. – Оленька, а ведь я уже начал скучать, так давно мы не виделись! Ты совсем перестала заходить в гости.

Боярская натянуто рассмеялась:

– О, это всегда успеется! А пока, как говорится, лучше уж вы к нам! И Людочке тоже, знаете, рано ещё... К вам.

Он поддержал её шутку небрежной улыбкой:

– Ну что ж, разве я смею принуждать? Моё дело маленькое: достойно встретить, когда всё же соберётесь. Позвольте откланяться... – послал мне липкий взгляд и затерялся среди гостей.

Кто бы мог подумать, что я могу обрадоваться Боярской настолько, что буду готова броситься ей на шею? Она окинула меня слегка хмельным взглядом:

– Что за угрюмый вид? А-а-а, ну понятно... Кто ж пьёт такую кислятину, когда в загашнике есть Монтобер? – Забрала у меня так и не пригубленный фужер с шампанским, вернула его на столик. – Ну-к, пошли со мной... – Потасила куда-то в сторону небольшой сцены, на которой как раз устраивался за клавишами музыкант. – Ну и как тебе старый

козлина Рахмик?

– Интеллигентный.

– А то! Две академические вышки, искусствовед в далёком прошлом! А нынешнее блатное погоняло, знаешь какое? – Судя по её ехидной усмешке, гадать было бесполезно. – Холмик!

– Ка-а-ак?

– Холмик! Формально, он гендир ООО «Память», а фактически, его единоличный хозяин. Аид местного пошиба, мать его. Поэтому, будет звать в гости – отказывайся нахрен! – расхохоталась. – Рано нам ещё, молодым-красивым, на кладбище!

За сценой стоял отдельный малоприметный столик и специальный официант разливал особенные напитки особенным гостям. Протекция Боярской сработала и здесь, и мне тоже вручили бокал с коньяком, вынутым из красивой деревянной коробки.

– Попробуй... – мурлыкнула Ольга, принюхиваясь к терпким парам. – Если Панин не брешет, то это элитный Альбер де Монтобер, сорок шестого года.

Я тоже принюхалась, глотнула. Коньяк, как коньяк. Кизлярский «три звезды» из мамкиного овощного, примерно такой же.

– Ну? Чувствуешь? – пытливо сощурилась Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.